

Зеркало Иблиса

Автор:

Виктор Бурцев

Зеркало Иблиса

Виктор Бурцев

Интерес гитлеровской Германии к мистике общеизвестен. Не надеясь на вермахт, не получая ощутимых результатов от работ с атомом, гитлеровское руководство мечтало о чудо-оружии.

Вместе с рукописью некоего профессора Замке, который описал свое путешествие и, главное, свою находку – древний исламский артефакт – Зеркало Иблиса, у Германии появляется шанс.

Экспедиция СС брошена на поиски артефакта и ожесточенно утюжит жаркий африканский песок.

И вот уже гудит разбуженная пустыня...

Виктор Бурцев

Зеркало Иблиса

Сказал Он: «Поистине ты из тех, кому Отсрочено до дня назначенного времени».

Коран. Ал-Хиджр. 38(38)

ПРОЛОГ

Они маршировали по миру, как по плацу.

«Левой, левой!»

Они вскидывали правую руку вперед и вверх, приветствуя Солнце.

«Хайль!»

Они несли на себе светлые, солнечные руны.

«Зигель!»

Они утопили противников в их же собственной крови. И, не оглядываясь на то, как враг захлебывается своей ненавистью и беспомощностью, они маршировали дальше. К новым границам, к новым странам, к новым мирам и, может быть, даже к последнему морю...

Железной волной они прокатились по степям Украины, свирепым волком они промчались через леса России, яростным ураганом они пролетели над пустынями Азии и мифическим Левиафаном, они сдавили в своих смертоносных объятиях Американский континент.

Никакая сила во всем мире не могла помешать им.

Земля была лишь кругом на их флаге.

В круг была вписана свастика.

В несуществующем месте, среди песка, камней и воздуха, который от жары потерял свою прозрачность, человек провел рукой по обветренному темному лицу. Словно стирая остатки страшного сновидения, словно сдирая кусочки налипшей паутины, словно утирая слезы. Этот человек долго жил на белом свете, много видел такого, чего не в состоянии увидеть обыкновенный человек. Наверное, страх не должен был мучить его. Наверное, и желания должны были

остаться где-то за спиной. Человек, который живет столько, становится другим, непонятым, чуждым добра и зла. Становится почти богом.

Возможно.

Однако с Саммадом не произошло ничего подобного. Вполне может быть, что виновато в этом происхождение. А может быть, тот факт, что Саммад носил на руке своей перстень с огненным камнем, отражающим то, невидимое снаружи, внутреннее пламя, от которого нет покоя хозяину.

Перед Саммадом высился камень, большой, тяжелый камень. Кусок скалы, одна сторона которой была гладкой, отполированной до блеска. Наполовину занесенное песком скальное основание, на котором стоял камень, продавилось, потрескалось под невероятной тяжестью, которую нельзя было угадать по размерам. Со стороны казалось, что камень упал сюда откуда-то с немыслимой высоты, может быть, из самого рая. Упал, потрескался, но остался нерушимо целым. От того падения остались только трещины под полированной поверхностью. Полосы темного, непрозрачного и ничего не отражающего пространства. Саммаду казалось, что эти полосы-трещины пытались вырваться из камня... Но так и не смогли преодолеть нерушимости его границ.

Теперь камень отражал мир. Весь Мир. Огромный, причудливый и переменчивый.

Достаточно было посмотреть в него пристально и внимательно, чтобы увидеть...

Что увидеть?

Будущее? Прошое? То, чего не существует, или то, что может существовать?

А может быть, это просто отражение? Отражение в зеркале?

Что происходит там, по ту сторону зеркальной поверхности? Кого оно отражает?

Мир. Мир, находящийся внутри того, кто заглядывает в бездну огромного зеркала...

Саммад снова потер щеки (несмотря на испепеляющую жару, ему все время казалось, что лицо немеет, словно от сильного холода, какой бывает ночью в пустыне), последний раз посмотрел на камень – светлые полосы полированной поверхности безразлично отразили его лицо Минута молчания... И человек, живущий долго, вскочил на лошадь, чтобы через мгновение исчезнуть в вихре песка.

1

Они замыслили хитрость, и Мы замыслили хитрость, а они и не знали. Так же как и Мы.

Апокриф. Книга Пяти Зеркал 21 (20)

Темно-зеленый гидросамолет «бизерта», качавшийся на слабой волне, напоминал обыкновенный катер, к которому сумасшедший конструктор приделал крылья-этажерку и три неуклюже висящих меж ними двигателя. Фрисснеру приходилось летать не раз и не два, но обычно это были нормальные транспортники, чаще всего старые добрые Ju-52. Даже торпедоносец «хейнкель», на котором Фрисснер летел в прошлом году из Ставангера, с виду выглядел надежнее...

Те же чувства, что и Фрисснер, судя по всему, испытывал Каунитц. Он бросил за борт окурки и спросил вполголоса:

– Что это за дерьмо, господин капитан?

– Французский гидроплан, – ответил Фрисснер. – Трофей. На нем летали вишисты, но потом мы решили, что нам он нужнее. Морской разведчик.

– Оно в самом деле летает?

– Поговаривают... Надеюсь, мы доберемся на нем до Триполи.

– Они не могли послать нормальный «викинг»? – все не мог успокоиться Каунитц. – Эта сноповязалка развалится на середине пути.

– Ну конечно, «викинг» тебе подавай, – хихикнул Макс Богер. – И эскорт из десяти истребителей, а в Триполи чтобы тебя встретил лично Роммель[1 – Роммель, Эрвин, – генерал-фельдмаршал, с 1941 – командующий Африканским корпусом. В 1944 г. покончил с собой, как участник антигитлеровского заговора.] со всем штабом. О, наш скромный Эмиль!

– Заткнись, Макс. Тебе тоже на нем лететь, – отрезал Каунитц, но Богера, похоже, не испугал. Тот пожал плечами:

– Я лично планирую спрятаться в самый укромный уголок этого самолета и хорошенько поспать до самой Африки. И тебе советую.

– Смотри не проснись с дополнительной дыркой в заднице, которую тебе просверлят английские истребители, – буркнул Каунитц.

Матросы гребли споро, и спустя несколько минут лодка ткнулась тупым носом в поплавок «бизерты». Лунный свет высветил выглядывающего из кабины пилота, приветливо помахавшего рукой.

В темное нутро гидроплана они забрались без происшествий, перетащили мешки. Макс шумно втянул воздух носом и спросил:

– Давно проветривали? По-моему, воняет лягушками.

– Воняет Генрихом, хвостовым стрелком, – улыбнулся пилот. – Он на ужин съел слишком много фасоли... Извините, господин капитан. Располагайтесь.

– Благодарю, – кивнул Фрисснер. Они устроились поудобнее в мрачной сигаре фюзеляжа, лишенной привычных удобств старичка «юнкерса». Фрисснер покосился на своего третьего спутника, до сих пор не проронившего ни слова. Худой, скуластый, он сейчас протирал полую куртки очки, забавные стеклянные кругляшки с проволочными дужками, словно из старого немого фильма про ученого-растяпу. Да он и есть ученый-растяпа, Юлиус Замке, археолог и антрополог, сын археолога и антрополога. Фрисснер внимательно прочел его

дело перед тем, как ехать в Бельзен. Что ж, будем думать, что полтора года концентрационного лагеря выбили из него все нехорошие мысли, если они у него и имелись. Хорошо, наверное, без красного винкеля[2 - Треугольник (нем.). Имеется в виду нашитый на робу заключенного.] на груди.

Фрисснер хотел сказать ученому что-нибудь дружеское, теплое, но в этот момент Замке закончил протирать очки и водрузил их на нос, а Макс Богер по-дурацки хихикнул, как это умел делать только он, и выдал:

– Вы, Юлиус, вылитый рейхсфюрер, вам это когда-нибудь говорили?

Действительно, ученый в очках немного напоминал Гиммлера, но болтать об этом вот так, в присутствии пилотов, не стоило. Фрисснер ткнул Макса локтем в бок, и тот мгновенно затих. Замке ничего не ответил, только растерянно моргнул и посмотрел на Фрисснера. Тот сморщился – не обращайтесь, мол, внимания – и улыбнулся.

Унтер-офицеры, веселящиеся и переругивающиеся в присутствии капитана. Зрелище довольно нормальное для фронта, но тут, на Крите, к такому, возможно, и не привыкли. Тем более пилоты не были, конечно же, проинформированы ни о миссии группы Фрисснера, ни о подлинных их званиях.

– Взлетаем, – сказал пилот. Где-то над головой взвыли и затарахтели моторы, пол ощутимо задрожал.

– Когда будем в Триполи? – проорал Каунитц. Пилот покачал головой:

– Не загадывай, приятель. А ну как прилетят англичане и устроят нам фейерверк? Сейчас я погашу свет, а ты вздремни. В Африке я тебя разбужу.

– Какая у него скорость? – не унимался Каунитц.

– Километров двести в час. Очень неторопливая птичка, – сказал пилот и отвернулся. Пол задрожал еще сильнее, и «бизерта» пошла на взлет.

Богер исполнил свое намерение и сразу же уснул, пристроив под голову какой-то мешок и укрывшись одеялом. Каунитц вроде бы тоже задремал. А вот ученый

не спал. Он тревожно озирался, пальцы левой руки крутили пуговицу на груди.

– Раньше не приходилось летать? – крикнул Фрисснер. Чертовы моторы рычали над самой головой.

– Нет, – ответил Замке.

– Что ж, когда-то надо начинать! Здесь не так уж и далеко, не беспокойтесь!

– А что он сказал про английские самолеты? – ученый указал в сторону пилотской кабины.

– Я думаю, нам они не встретятся. Наша тихоходная этажерка им ни к чему. Хотите немного выпить? – Фрисснер похлопал по фляге в матерчатом чехле, укрепленной на поясе.

– Да, спасибо!

Юлиус Замке принял у капитана фляжку, аккуратно отвинтил пробку, повисшую на цепочке, и сделал глоток.

А ведь еще неделю назад все было совсем иначе...

2

Не говорите о тех, которых убивают на пути Аллаха: «Мертвые!» Нет, живые! Но вы не чувствуете.

Коран Корова 149(154)

Когда тебя вызывают к коменданту лагеря, не следует ждать ничего хорошего. Впрочем, Юлиус уже давно не ждал от жизни ничего хорошего, с того самого дня, как его выволокли из кабинета, спихнув на пол стопку старинных книг и расплескав чай. До сих пор перед глазами у Юлиуса стоял раздавленный

сапогом автоматчика бутерброд, который приготовила ему к чаю Этель... Как банально: бутерброд, раздавленный сапогом. Тоненький кусочек белого хлеба, намазанный маргарином и мягким сыром. Нет, наверное, не слишком банально – цветок, к примеру, был бы куда банальнее.

Когда к нему приходили такие мысли, Юлиус подозревал, что сходит с ума. Но чем эти мысли хуже мыслей о еде, о тепле, о спокойном долгом сне?

В одно прекрасное, а правильнее сказать, ужасное утро все это должно было закончиться. Как именно, Юлиус еще не решил. Может быть, рывком к проволоке, расчертившей пространство за территорией лагеря непараллельными линиями. А может, пощечиной одному из надзирателей, толстому Замману по прозвищу Пузо. Или венами, расцарапанными бутылочным осколком, неведь как завалявшимся под нарами...

Не исключено, что сейчас все и закончится. Так даже интереснее – совсем уж непредсказуемо. И пусть... Юлиус не был героем. Не был даже человеком, способным на яркие поступки... Уже на втором допросе в гестапо он подписал все, что ему дали подписать. Потянул за собой троих профессоров, ассистента Кепке, который рассказал ему как-то анекдот про Геббельса... Так что ни побег, ни самоубийство – не для Юлиуса. Лучше уж вот так, как об этом рассказывают лагерники: в одно прекрасное утро тебя уводят, ты садишься в кресло, ничего не подозревая, и какой-нибудь хорошо позавтракавший шарфюрер[3 - Шарфюрер – звание в СС, приравненное к армейскому званию унтерфельдфебеля.] стреляет тебе в затылок.

Его вели спокойно, не подгоняя, не покрикивая. И привели не к коменданту, а в аккуратную комнатку с дощатыми стенами, пахнущими смолой. Посередине стоял столик, перед ним – стул. За столом сидел человек в штатском и курил, стряхивая пепел в бумажный фунтик.

– Господин Замке? – осведомился он, вставая.

Боже, а ведь когда-то я был господином. «Господин Замке»... Булочник Йозеф всегда говорил так, приветливо кивая. Коллеги в университете. Библиотекарь, старик Трауерманн... Этель... «Господин Замке желает кушать?». «Только когда фрау Замке составит ему компанию»...

– Я не осмелюсь,... – начал было Юлиус, но человек в штатском указал на свободный стул:

– Садитесь, пожалуйста, господин Замке. Хотите курить?

Юлиус стоял как вкопанный. Только сейчас он осознал, что, кроме них, в комнате никого нет. Никто не торчит за спиной, готовый тут же врезать между лопаток, или по почкам, или по голове...

– Капитан Артур Фрисснер. Садитесь же. Юлиус сел на самый краешек стула.

– Юлиус Замке, тридцать девять лет. Антрополог, археолог, арабист, профессор, автор шести монографий. Сын Вильгельма Замке, также антрополога, археолога, арабиста, профессора, автора... монографий вроде бы побольше.

– Вы знали отца, господин капитан? – спросил Замке и осекся. Минуту назад он никогда бы не подумал, что сможет вот так запросто обратиться к офицеру. Сейчас его уведут. Или, что еще вероятнее, этот симпатичный капитан вытащит пистолет и застрелит его прямо здесь, сидящим на стуле.

– К сожалению, нет, – ответил Фрисснер. – Не имел чести. К тому же об археологии я имею весьма смутное понятие. Как и об антропологии, не говоря уж об арабистике, если не считать практикой – я имею в виду арабистику – ряд визитов в Танжер и Тунис.

Он помолчал, внимательно глядя на Юлиуса.

– Давайте будем откровенны, господин Замке, – сказал он, гася сигарету и комкая фантик с пеплом. – Я понимаю, что вы здесь не на курорте. Я не особенно вдавался в быт лагерей, подобных вашему, мало того, я в первый раз в таком месте... Не скажу, что мне нравятся здешние порядки, но и не берусь их обсуждать и осуждать. Я далек от всего этого. Не буду тянуть: я приехал, чтобы забрать вас отсюда.

Он снова замолчал, словно ожидая эффекта от своих слов.

Юлиус почувствовал, как его колотит, пробирает из самой глубины, как трясутся колени, пощелкивают зубы, точнее, остатки зубов...

Только бы не потерять сознание.

Только бы не потерять.

... В нос ударил морозно-омерзительный запах, и Юлиус вскрикнул.

– Очнулись. Я уже хотел вызвать врача, – сказал Фрисснер, убирая пузырек темного стекла. – Можете быть свободны!

Это уже не мне, понял Юлиус. За спиной кто-то скрипнул половицей, чуть слышно закрылась дверь.

– Хорошо еще, что вы не брякнулись со стула, – деловито продолжал Фрисснер, обходя стол и садясь на свое место. – Итак, вы свободны. Как разумный человек, вы, конечно, спросите, что от вас потребуется.

– Нет, – возразил Юлиус, борясь с неожиданно подкатившей тошнотой. – Я спрошу, где Этель и девочки.

– Я ожидал этого. Этель и девочки у вашей матери в Ганновере. Им ничего не грозит. Могу добавить, что за них вступился старый друг вашего отца генерал Бух. В противном случае все могло бы закончиться куда хуже... Вам он помочь не смог.

– Все равно, спасибо, спасибо дяде Вальтеру, – горячо сказал Юлиус. – Я их увижу?

– Увидите.

– А... Почему меня освободили?

– Скажем так: вы – безобидная личность, попавшая в лагерь то, ли по ложному навету, то ли вследствие неаккуратной работы следователей. Что там вам вменяли: контакты с коммунистами? Но вы же не были членом партии, не так

ли?

– Не был. Я и голосовал в тридцать втором за Гинденбурга, не за Тельмана...

«Похоже, я оправдываюсь», – подумал Юлиус.

– Вот еще, вспомнили. – Фрисснер махнул рукой. – Я сам голосовал за Теодора Дуйстерберга. За фюрера тогда проголосовали только одиннадцать миллионов, но это же не значит, что всех остальных должны немедленно повесить... Короче, вы теперь свободный человек, господин Замке.

– Мы едем домой, господин капитан? – с надеждой спросил Юлиус.

– Нет, – спокойно сказал Фрисснер. – Домой мы не едем.

К такому повороту событий Юлиус и готовился. Просто так из Бельзена не выпустят. Значит, ты кому-то нужен – твой мозг, твои руки... Следовательно так и сказал: «Вы оттуда не выйдете, Замке. Или выйдете очень нескоро, опираясь на палочку и вспоминая неосторожную молодость».

В черном «опеле» сидел водитель в штатском, который предупредительно открыл перед Юлиусом дверцу. Фрисснер сел на переднее сиденье, повернулся, протянул небольшой термос и сверток в пергаменте.

– Вот, бутерброды с ветчиной и кофе. Кофе плохой, не обессудьте.

– Благодарю, – сказал Юлиус. После той бурды, что разносили в лагере, кофе показался великолепным. «Опель» выехал за территорию лагеря, охранник проводил его скучающим взглядом.

Жуя, Юлиус прослушал вопрос и, извинившись, переспросил.

– Я поинтересовался, когда вы в последний раз были в Африке, – повторил Фрисснер.

– Я был в Марокко весной 1939 года. Небольшая экспедиция, вместе с Андреотти, этим вечным спорщиком.

– А в Триполитании? Ливийская пустыня, Тибести...

– Ах, это. Последняя экспедиция отца, 1935 год. Крайне неудачное предприятие.

– Вы знакомы с работой вашего отца «Зеркало Иблиса и другие мифические артефакты»?

– Разумеется. Неоконченная работа, отец уделял ей много внимания, поэтому и не дописал – слишком многое требовало уточнений, было спорным...

– В таком случае у меня для вас сюрприз, господин Замке. Эту работу ваш отец закончил, когда отдыхал в Лозанне. Я не знаю, по какой причине он не сообщил вам об этом, но сейчас рукопись находится в Берлине, куда мы и направляемся.

– Этого не может быть, – уверенно сказал Юлиус. – Может быть, какая-то другая рукопись...

– «Зеркало Иблиса и другие мифические артефакты», – покачал головой Фрисснер. – Я не специалист, как уже говорил вам, но рукопись видел собственными глазами. Сто тридцать шесть листов, плюс любопытные примечания в виде черновиков, которые ваш отец сохранил. Все это сберег некий профессор Ройдель, его... – капитан замялся. – В общем, рукопись нашли во время обыска. Хорошо, что она попала в руки специалиста, иначе могла бы попросту осесть где-то в архивах.

– Значит, он ее закончил... – пробормотал Юлиус. – В последние годы мы с отцом были далеко не в лучших отношениях, особенно после экспедиции в Ливию. Возможно, именно поэтому он не сказал мне о рукописи – думал, что мне это не интересно. У меня была принципиально иная точка зрения на его ливийские изыскания. Но я не понимаю, какое отношение...

– А вот это вам объяснят в Берлине, – перебил его Фрисснер. – На вашем месте я бы теперь поспал. И ни о чем не беспокойтесь, господин Замке. Э-э... Извините, совсем забыл: вы ведь носите очки, не так ли?

– Носил, – улыбнулся Юлиус. – Их разбили, а получить новые не удалось.

– Нужно было захватить с собой, – сокрушенно сказал капитан. – Впрочем, пусть вас вначале посмотрит окулист. Возможно, зрение ухудшилось.

– Бог с ними, с очками, господин капитан. Главное, что я на свободе. Я не знаю, что вы там придумали и зачем я вам понадобился, но честное слово – сейчас мне все равно.

3

Мы спасли вас от людей Фирауна, которые возлагали на вас злое наказание, убивая ваших сынов и оставляя в живых ваших-женщин Но они живы по сей день.

Апокриф. Книга Пяти Зеркал 51 (48)

Звезды дрожат. Звездам холодно там, в темноте. Звезды далеко, и поэтому тепло костра до них не достает. И даже жар пустыни, остывающей после раскаленного дня, не в силах справиться с холодом, который испытывают маленькие светящиеся точки во мраке.

Вот из темноты вылетела палка, упала в костер, ударила в него, выбросив в небо целый океан искр. Пламя зло вспыхнуло, выхватив из темноты белый бурнус, два черных кольца на чалме, смуглое лицо. Где-то позади недовольно всхрапнул верблюд. Человек чуть прищурил черные глаза, от чего морщины на его лице заиграли, заплясали свой змеиный танец. Или это просто тени?

– Ты совсем не изменился за это время... – произнес человек у костра. – Садись. Тут хватит места и тепла нам обоим.

Если посмотреть со стороны, как если бы ночь могла видеть, – а кто сказал, что она этого не может, на все воля Аллаха, – то можно заметить, что возле костра сидят уже двое.

Откуда взялся второй?

Ну, вероятно, из ночи... Откуда же еще может взяться такой человек. Черные одежды, черное лицо, длинные черные волосы, не покрытые головным убором. И чудится, что костер не в силах разогнать тот мрак, который окутывает пришедшего из ночи человека. Хотя это, конечно, кажется. Только кажется.

– По-прежнему любишь таинственность... Приходишь из ночи, уходишь в ночь, назначаешь странные встречи, да еще и оказываешься в таком месте неведомо как. Я что-то не вижу твоего верблюда. – Человек усмехается. Игра морщин на его лице завораживает. Когда костер снова вспыхивает, удается разглядеть, что морщины перемежаются со шрамами. Или шрамы с морщинами? – Волшебство, мистика, тайны...

– Просто я не отказался от своей натуры. И не прячусь за фальшивыми фасадами. – Голос темного человека так же холоден, как и мрак, окружающий огненные звезды.

– Как скажешь, твое мнение не единственное... – Первый человек снова подкинул крупный сук в огонь. – И далеко не самое верное...

Темный человек передергивает плечами. От этого движения звездам становится еще холоднее, и они начинают дрожать сильнее. Кажется, еще чуть-чуть – и сорвутся со своих мест, покатятся в тартарары.

Двое молчат, наблюдая за неслышной игрой пламени. Странно. Огонь ведь потрескивает, поедая дерево, шипит влагой, пламя гудит на ветру... А не слышно.

– Зачем ты позвал меня, Саммад? – наконец не выдержал и спросил первый. – Какая беда могла приключиться за это время, чтобы тебе потребовался я?

Черный морщится. Складывает руки на груди. В свете костра на указательном пальце левой руки мелькает перстень с огромным рубином. Драгоценность, достойная царей.

Рубин наливается светом костра, пламенеет. И ночь откатывается назад, видя, как в ответ на этот холодный огонь вспыхивают темно-бордовым глаза первого человека.

– Я глядел в Зеркало, Ибрахим, – произносит Саммад, поднимая лицо к звездам. – Я увидел там много нехорошего.

Небо вздрагивает и ритмично дергается в такт смеху Ибрахима.

– А когда ты там видел что-нибудь хорошее?! Неужели ты думаешь увидеть там всю красоту мира?

– Я буду встречаться со всеми, – сквозь зубы произносит Саммад. – И выбрал тебя первым, как...

– Как самого невыносимого? – Ибрахим снова смеется, но уже не так, как прежде. Просто усталым смехом.

– Можешь считать и так... Они снова замолчали, слушая шорох остывающей пустыни.

– Так что же ты видел? – снова первым спрашивает Ибрахим. Он не любит долгих пауз. Тем более когда молчит Саммад. Иногда молчание страшнее слов, страшнее стали.

– Я видел, как многие и многие тысячи возносятся к небу в дыму. Как ад вырвался на землю и катится по ней стальной змеей, изрыгая дым и пламя. Видел жирный жертвенный дым человеческих тел, покрывающий головы новых богов. И над всем этим лик Иблиса[4 - Иблис – название дьявола в исламе.]. – Саммад смотрит в огонь, как в то неизвестное, страшное зеркало, где он увидел все эти страшные картины.

Ибрахим пододвигает к огню несгоревшие сучья, костер вспыхивает, и Саммад отводит от него глаза.

– Ну и что? – спрашивает Ибрахим. – Ты видел всего лишь очередной конец мира... Далеко не последний.

– Иблис... – начал Саммад.

Но Ибрахим не дал ему говорить:

– Я верю тебе! Я верю, что ты видел страшное... Но никто из нас не сможет ясно истолковать то, что хотело сказать Зеркало. Мы потеряли этот дар, так же как и многие другие. Ты потратил столетия, чтобы восстановить крохи, маленькие детали... И ничего не добился в этом. Скажи мне, ты можешь с уверенностью сказать, что знаешь, чего хотело Зеркало?

Саммад отворачивается. На его черном лице ходят желваки.

Ибрахим откидывается назад – на лице разочарование.

Тишина повисает между ними.

– Ты помнишь писание? – наконец спрашивает Саммад.

– Писание? Ты имеешь в виду Священную Книгу?

– Нет, я имею в виду... другую книгу...

– Не смей меня, Саммад, от нее если что и осталось, так это воспоминания. Причем вся память о ней лежит в наших головах. – Ибрахим усмехается.

– Так ли это?..

И Саммад впервые посмотрел в глаза Ибрахиму. Тот вздрогнул, огладив левой рукой бороду. На указательном пальце Ибрахима сверкнул массивный изумруд. Драгоценность, достойная царей. Отсветились зеленым глаза Саммада. Рубин на его кольце, казалось, разгорелся ярче.

Они наклонились ближе друг к другу. Еще ближе. И ночь оглохла. Видела, как шевелятся губы в беззвучном разговоре... Но ничего, ни словечка, которое можно было бы разнести, растрепать по кустам и колючкам... Странно.

Ночь озадаченно моргнула огоньками звезд. Попробовала раздуть затухающий костер, поиграть веселыми угольками.

Не получилось.

Как вы не веруете в Аллаха? вы были мертвыми, и Он оживил вас, потом Он умертвит вас...

Коран. Корова 26 (28)

Ему дали вымыться и переодеться где-то под Берлином. Маленький уютный домик стоял метрах в пятистах от дороги, под огромными дубами. Что это за место, Юлиус не знал.

Грязную лагерную одежду и разбитые башмаки он оставил в ванной, сменив их на теплый халат. Долго плавал в одуряюще горячей воде, высыпав туда горсть ароматической соли. Слава богу, хоть вшей нет – Юлиус был лыс, как колено, а против лобковых паразитов в лагере имелось на редкость едкое и вонючее средство, которым заключенным периодически обмазывали гениталии.

О том, зачем и куда его вытащили из лагеря, Юлиус пока не думал. Наслаждался свободой. Да и все было в принципе ясно: «Зеркало Иблиса», неоконченная рукопись отца, которая зачем-то понадобилась нацистам.

В комнате, где он переодевался, трещал камин, на стенах висели вполне приличные акварели, среди них, кажется, даже Кокошка[5 - Кокошка, Оскар – австрийский художник-экспрессионист, с 1937 года все его работы изъяты из картинных галерей Германии, а творчество объявлено декадентским.] – Юлиус не слишком разбирался в живописи. Бюстик фюрера на камине, золоченые корешки книг в шкафу...

Фрисснер оставил его, удалившись вместе с плотным пожилым господином – то ли хозяином дома, то ли просто кем-то из obsługi. Повесив халат на спинку стула, Юлиус провел руками по бокам. Ребра... Килограммов пятнадцать, пожалуй, оставлено в Бельзене. То, чего не могли сделать утренние пробежки и гимнастический зал. «Смотри-ка, – подумал Юлиус, – я уже могу шутить! Сам с собой по крайней мере».

Облачившись в костюм, он аккуратно повязал галстук и поискал обувь. Ничего нет. Не босиком же ходить?

На столе стоял бронзовый колокольчик.

Позвонить?

«Нет, наверное, это будет неправильно. Все же я тут не хозяин, – подумал Юлиус, – да и гость сомнительный. Лучше обожду».

Он подошел к книжному шкафу, открыл дверцу и провел рукой по корешкам книг. Кант... Тит Лукреций Кар... Томас Манн... О, даже Толстой! Интересно. Кто бы взялся хранить сегодня такие книги?

– Я смотрю, вы уже оделись?

Фрисснер стоял в дверях, держа в руке туфли.

– Сорок второй. Кажется, ваш, – сказал он и поставил их на пол.

– Благодарю, – Юлиус опустился на стул. Действительно, туфли сидели как влитые.

– Обещание насчет очков остается в силе, – добавил Фрисснер. – Как насчет обеда? У нас появилось два свободных часа, поэтому лучше перекусить. Солдатский принцип: как знать, когда придется пообедать в следующий раз?

Стол был накрыт на веранде. Свежий весенний воздух, солнце, и главное – свобода.

Никакой проволоки.

Никакой охраны.

Никакой работы, тяжелой и неблагодарной.

Юлиус внезапно почувствовал прилив необычайно теплых чувств к капитану, который невозмутимо намазывал ломтик хлеба маргарином. Вот достойный человек! Образован, учтив. Не то что комендант Бельзена или гестаповец, который допрашивал Юлиуса. Как его? Майгель, Мойдель?

– Суп, – сказал Фрисснер, поднимая тяжелую фаянсовую крышку супницы. – Поешьте горячего, господин Замке.

– Мне позволено будет узнать, с кем мы встретимся в Берлине? – спросил вконец расхрабдившийся Юлиус, расправляясь с овощным супом. Фрисснер посмотрел на него, задумчиво постучал ножом по краешку тарелки.

– Вы не знаете этого человека, но совершенно не вижу причин, по которым вам не нужно было бы знать его имя. Бригаденфюрер[б - Бригаденфюрер – звание в СС, приравниваемое к армейскому званию генерал-майора.] СС Теодор фон Лоос.

– Да, это имя ничего мне не говорит, – согласился Юлиус.

– Он координирует нашу операцию.

Вот еще и операция какая-то появилась! Начинает понемногу проясняться. Бригаденфюрер... Кажется, это высокое звание. Соответствует генералу?

– Бригаденфюрер – это генерал?

– По армейским меркам – да.

– Я... Мне отводится роль научного консультанта?

– Можно и так сказать. Уверяю вас, – Фрисснер улыбнулся, – вам не придется делать ничего такого, чего бы вы не делали раньше. Научная экспедиция в Ливию. По маршруту 1935 года.

– Но мы ничего особенного... – начал было Юлиус, однако капитан покачал головой:

– Это и есть причина того, что экспедицию придется повторить. Жаль, что ваш отец не дожил до этого момента. Но я уверен, вы станете его достойной заменой. Правда, времени на подготовку очень мало.

– Это не страшно. Кто едет с нами? Я бы рекомендовал Кортена, он сейчас, кажется, профессорствует, но согласится с радостью... И Ганса фон Эрлаха, который...

– Господин Замке, – перебил Фрисснер, – я ценю ваши советы, но экспедицию формирую не я. Мало того, я убежден, что из ученых нам понадобятся только вы. Это военная экспедиция, к тому же она носит секретный характер... И еще: в Северной Африке сейчас идет война. Поэтому к привычным вам факторам пустыни прибавятся и такие, как опасность со стороны английских войск.

– Но я не умею воевать!

– От вас этого и не потребуется. Воевать будем мы. Воевать, защищать вас. Об остальном вам расскажет бригаденфюрер. Прошу вас, передайте соус... А вот и отбивные.

К вечеру они были в Берлине, где-то на окраине. Юлиус не так хорошо знал столицу, чтобы из окна автомобиля определить точный маршрут. Остановившись возле каменного пятиэтажного дома постройки начала века, они вышли и поднялись по широкой лестнице к дверям.

Внутри их встретил какой-то нижний эсэсовский чин – Юлиус не разбирался в их нашивках и званиях – и предложил ему посидеть вот тут, в кресле, а капитана увел с собой.

Юлиус устроился поудобнее и взял со столика свежий номер «Фелькишер Беобахтер», просмотрел передовицу. Тут же лежали «Ангриф», «Берзен Цайтунг», несколько иллюстрированных журналов.

Вернулся Фрисснер в сопровождении все того же чина.

– Пойдемте, господин Замке, – сказал капитан. – Бригаденфюрер ждет нас.

Они поднялись на третий этаж, нижний чин открыл большую, обитую кожей дверь.

– Хайль Гитлер! – капитан выбросил руку в приветствии. Юлиус почувствовал себя несколько скованно. Что делать? Бригаденфюрер, кажется, почувствовал его замешательство и негромко засмеялся.

– Здравствуйте, господин Замке. Садитесь, прошу вас, – сказал он, указывая на кресла у стола.

Фон Лоос оказался довольно молодым человеком с проницательными, глубоко посаженными глазами и сломанным боксерским носом, который смотрелся на его утонченном лице несколько нелепо. Капитан сел поодаль на диван, показывая всем своим видом, что присутствует здесь исключительно в качестве слушателя.

– Прежде всего... – Бригаденфюрер сделал небольшую паузу. – Прежде всего я хотел бы принести извинения за то досадное недоразумение, которое привело вас в лагерь. Наверное, я выразился неверно: для вас это не недоразумение, а ужасная ошибка, катастрофа... К сожалению, такое случается. В гехайместатсполицай[7 - тайная полиция (нем.) – гестапо.] тоже хватает неврастеников и портачей. Поверьте, при их работе это просто неизбежно.

– «На гестапо возлагается задача разоблачать все опасные для государства тенденции и бороться против них, собирать и использовать результаты расследований, информировать о них правительство, держать власти в курсе наиболее важных для них дел и давать им рекомендации к действию», – процитировал со своего дивана Фрисснер.

– Именно! – Бригаденфюрер поднял указательный палец, – Основной закон гестапо сформулирован еще в 1936 году Герингом[8 - Из указа, подписанного в 1936 году Герингом как премьер-министром Пруссии.]. Без накладок здесь просто не обойтись, даже без таких трагических, как ваш случай. Но сейчас все в порядке, вы здесь, на свободе, с вашей семьей все хорошо. Гауптштурмфюрер Майгель будет строго наказан, уверяю вас.

Из отдела 4А[9 - Отдел 4А занимался борьбой с противниками нацизма.] его переведут в 4Д[10 - Занимался делами оккупированных территорий.], пусть

оставит свой теплый кабинет и займется поляками и чехами. Но перейдем к делу.

Фон Лоос выдвинул ящик стола и достал оттуда толстую коричневую папку.

– Это – рукопись вашего отца, господин Замке. «Зеркало Иблиса и другие мистические артефакты».

– «Мифические», – поправил Юлиус – Что? – не понял бригаденфюрер.

– «Мифические артефакты». Не мистические.

– Извините... Пожалуйста, можете ее взять. Разумеется, это копия, оригинал слишком ценен, чтобы я держал его в столе.

Юлиус взял протянутую папку, положил перед собой, раскрыл, развязав плетеные шнурочки.

Почерк отца.

Росчерк точки над «і», более напоминающий галочку, округлые аккуратные «о» и «а»... Интересно, почему он не печатал это на машинке? Или писал исключительно для себя, не собираясь публиковать, не был уверен окончательно в своих домыслах?

Юлиус мельком пробежал несколько первых строчек.

– У вас будет достаточно времени, чтобы ознакомиться с текстом, – вежливо сказал бригаденфюрер. – Капитан Фрисснер ввел вас в курс дела, не так ли?

– В общих чертах, – заметил Фрисснер.

– Да, я знаю, что мы планируем повторить неудавшуюся экспедицию тридцать пятого года, – кивнул Юлиус. – Я не представляю, какую ценность может иметь эта экспедиция для военных.

– Очень большую. Дело в том, что ваш отец был убежден: Зеркало Иблиса существует на самом деле.

Юлиус поморгал, пытаясь понять, не шутит ли бригаденфюрер. Потом грустно улыбнулся:

– Значит, отец так и не изменил своего мнения... Что ж, он всегда был очень упрям. Зеркало Иблиса...

– Для вас это не новость?

– Нет, разумеется. Мы в свое время крупно поспорили из-за этого. Отец даже крикнул в сердцах, что лучше бы отдал меня в священники или в ученики к лавочнику. Обвинил меня в слепоте, недостойной настоящего археолога...

– То есть вы утверждаете, что данный артефакт не существует? – спросил бригаденфюрер.

– Именно так.

– А если я предложу вам описание Зеркала Иблиса, сделанное вашим отцом?

– Но... Этого не может быть! – вскрикнул Юлиус. Поерзал в кресле и еще более решительно сказал: – Нет, это... это бред, извините, господин бригаденфюрер... Этого не может быть. Когда он мог его видеть?

– Экспедиция 1938 года, господин Замке. Вы о ней не знали.

– Но в тридцать восьмом отец ездил в Палестину!

– Это вам он так сказал. Вам и друзьям. На самом деле он был в Триполитании, вместе с известным вам Карлом Хайнцем Тилоном, и они двинулись по старому маршруту. С ними был проводник... Хотя зачем я вам все это пересказываю, прочтите рукопись. Там все описано более чем подробно. Местами очень путано, иногда вообще непонятно, но подробно Ваш отец, господин Замке, многое вынес в этой экспедиции. Он вернулся один...

– Тилон умер от лихорадки в Дамаске, – слабо возразил Юлиус.

– Да, со слов вашего отца. Но рукопись говорит, что он не вернулся с нагорья Тибести.

– Я не понимаю... – Юлиус был раздавлен. Отец переиграл его. Он даже не взял его в эту чертову экспедицию, оставив корпеть в университете над никчемным трактатом по арабистике, глупой компиляцией, не несшей почти ничего нового! Он не доверял ему!

Почему?

Может быть, я и в самом деле не археолог, не ученый?

Лавочник... Библиотекарь... Архивная крыса...

– Ваш отец, господин Замке, хотел иметь весомые доказательства своего открытия. Поэтому, я полагаю, он планировал завершить рукопись и только потом все обнародовать. Вот почему он ничего не сказал вам, зная вашу жесткую позицию. Теперь у вас есть отличный шанс завершить дело отца и принести рейху неоценимую пользу.

Юлиус бездумно вертел в пальцах шнурок от папки.

– Капитан сказал мне, что у вас был ряд предложений по составу экспедиции, – продолжал фон Лоос. – К сожалению, мы вынуждены ограничиться только одним ученым – вами. Остальные члены экспедиции будут военными. Вы понимаете: если Зеркало Иблиса существует и представляет собой именно то, о чем говорят легенды...

– Но... Вы сами верите в это, господин бригаденфюрер?

– Верю. Хочу верить. И вы поверите, господин Замке, потому что вы – ученый. Да и в чем беда, если вы не найдете артефакт, или же найдете его совсем иным? Давайте так: мы будем думать о хозяйственной части, вы – о научной. Рукопись можете взять с собой, она ваша по праву, И еще. предвидя вопрос ваша семья будет здесь завтра утром.

Бригаденфюрер поднялся, давая понять, что беседа завершена. Встали и Юлиус с капитаном, попрощались.

У дверей фон Лоос окликнул их.

Юлиус обернулся.

– Извините, – улыбнулся бригаденфюрер. – Совсем забыл.

Он вышел из-за стола, приблизился и подал Юлиусу замшевый черный очешник.

5

И склоняй свои крылья перед тем, кто следует за тобой из верующих.

Коран Поэты 215 (215)

СОРОК ЛЕТ НАЗАД

Они сидят на коленях.

Их много.

Их двадцать.

Два десятка мальчиков, отобранных специально. Их лица старательно маскируют любопытство, их лица не выражают ничего, кроме внимания. Хотя хочется... Много чего хочется. Например, инжира. Или погнаться за проворной ящерицей. Или... Много всяких «или» крутится в головах.

Но глаза выражают только внимание. Они тут далеко не первый год. Фактически они не помнят ничего, кроме этого помещения, учителей...

Им вбивают в головы священные тексты. Их учат мудрости Аллаха. Их обучают подчинению и благочестию.

Перед ними сменяются учителя, наставники. Люди, которых наивное детское сознание превращает в пророков. Пророков жестоких и не прощающих ошибок.

Поэтому мальчики старательно маскируют чувства, их глаза выражают только внимание.

Часы текут... Мимо... Время делает свое дело... Время всегда идет вперед вместе с мальчиками.

Их два десятка.

Мальчишеские головы смотрят перед собой, на учителя. Одна неотличима от другой. Для учителя они все сейчас на одно лицо. Как стадо баранов.

«В сущности, они и есть стадо баранов, – подумал учитель, в молчании обдумывая крамольную мысль. – В этом цель их жизни. Которая вот-вот подойдет к концу...»

Он встает. Мальчики вытянулись.

– Последний день вашего ученичества настал. Сегодня оборвется та дорога, по которой вы шли все это время. И я счастлив, что мне перед смертью удастся лицезреть тот свет, к которому я вел вас через тьму. Я увижу избранных. Самых достойных, самых подготовленных из вас. – Учитель внимательно вглядывается в удивленные лица мальчиков, словно стараясь что-то угадать. Затем низко кланяется им. – Я хочу попросить у вас прощения заранее. Потом не будет времени. Простите меня, мальчики.

Он выпрямился и, уже не глядя на расширившиеся до предела детские глаза, произнес Слово.

В тот же миг пятеро из двадцати дико закричали. Их тела как будто сломались в позвоночнике, ноги засучили от невероятной боли, руки словно крылья пытались унести несчастное тело... Пятеро упали на землю, разбрасывая пену в разные

стороны.

Трудно снова обретать плоть. Трудно и больно.

– Приветствую вас, Хранители. Примите запретную жертву. – Учитель зажмурился. Он был добрым человеком... Он не хотел видеть того, что будет дальше.

В дверях показались другие учителя с ятаганами в руках.

Кровь... Крики... Стоны...

Минуты текут мимо... Время идет вперед. Но теперь уже в одиночестве.

Пятерым избранным, как только они оправились, учителя надели каждому на палец по перстню и удалились из помещения, где Хранители вновь, после долгих веков, посмотрели друг другу в глаза.

Таких глаз не бывает у мальчиков в возрасте десяти лет.

В соседней комнате учителя упали на свои ножи, ибо совершили недостойное не по доброй воле, но по велению долга. Их дорога также подошла к концу.

– Мы снова вернулись... – наконец сказал один из пяти, тот, которого потом назовут Ибрахимом, и на его лице шрамов будет больше, нежели морщин.

– Да, – ответил другой. Черный как ночь Саммад, хотя это не нуждалось в подтверждении. – До дня суда...

Остальные промолчали.

Мы испытываем вас кое-чем из страха, голода и одиночества.

Что было потом?

То же, что и всегда.

Их было пятеро. Хранителей, избранных, проклятых, святых, демонов... с какой стороны посмотреть.

Хотя скорее всего ни одно из этих слов не подходило к ним.

Кто-то сказал, что в начале было слово. Вранье. Слова появились значительно позднее...

Уже не осталось существ, которые бы помнили ту голую, беспощадную правду без шелухи слов, без уютного покрывала условных определений. Уже некому вспомнить то, как все выглядело. Без слов. Как можно было посмотреть и увидеть суть.

Ангелы, демоны, избранные, проклятые... с какой стороны посмотреть... Шелуха слов, ложных или правдивых – хотя не бывает правдивых слов и правды в словах, – надежно укрывает смысл, который заключается в том, что смотреть уже некому. И судить тоже. Они остались одни. Пятеро ангелов в одиночестве Вселенной.

И никого больше. Может быть, до поры?..

Сначала это было непонятно, потом страшно, а затем как-то примелькалось, обросло уютными и мягкими словами... И они приняли, просто приняли для себя, не для остальных, что их только пятеро. Других больше нет. Никого нет. Только люди и эти пятеро.

Избранные, проклятые, ангелы, демоны... Правды в словах нет.

Они пожирают в свои животы только огонь.

Коран. Корова. 169(174)

«Губернатор, тупой макаронник!» – зло подумал Людвиг, рассматривая просыпающийся город с крыши новой городской комендатуры, помещавшейся в здании, которое располагалось на горке и занимало стратегически более выгодное положение, нежели прежняя запыленная контора. – Вылитый дуче. Такая же сытая морда. Только гораздо более глупая».

Ягер презрительно дернул верхней губой, короткие, почти как у фюрера, усики забавно встопорщились. Впрочем, то, что это забавно, Ягер узнал только вчера ночью. В местном борделе. Разумеется, шлюха, которая ему это поведала, никаких денег не получила. С нее достаточно и того, что офицер с идеальной родословной снизошел до такой замарашки, как она.

Людвиг задумчиво провел ладонью по свежевыбритому подбородку. Замарашка была, впрочем, не так уж и плоха. По крайней мере, стонала она вполне натурально. Может быть, он и зайдет туда снова, может быть, снова к ней же... Пусть только заживет ее разбитая морда – будет впредь знать, как распускать свой язык.

Ягером снова овладело раздражение. Если бы не этот осел италяшка-губернатор, он бы наведалься в тот бордель сегодня же. А теперь ему, человеку, выполняющему в Триполи особую миссию, придется ковыряться в бумажках, разбирать какие-то дела и вообще заниматься черт знает чем.

Ягер числился в администрации генерал-губернатора Триполи на правах координатора по делам военнопленных. Должность эта была настолько искусственной, насколько вообще могла быть. Подобные вакансии существовали в различных административных системах, прикрытые сложными словесными фортификациями. Консультанты, советники, атташе, представители и тому подобные звери бюрократических джунглей.

К сожалению, генерал-губернатор Триполи довольно негативно воспринял идею немецкого специалиста в собственном управленческом аппарате. И в общем-то не зря – генералу было что прятать. Поскольку проявить свою нелюбовь явно губернатор не мог, он избрал иной, действенный и совершенно легальный метод борьбы. Из губернаторской канцелярии приходили кипы бумаг, дел, требующих рассмотрения, заявок и просто ошибочно присланных папок. В основном вздор, отписки, крысиная работа. Однако именно это-то и раздражало Ягера. Бесило. До дрожи. Он был специалист, а не канцелярская крыса.

Город медленно просыпался. Солнце окрашивало крыши в розовый цвет. Жарким дыханием коснулось лица. Людвиг поморщился, одернул щегольски сидящий на нем офицерский мундир и спустился вниз. Уже на лестнице его догнал первый крик муэдзина.

«Ненавижу, – пронеслось в голове у Ягера. – Все ненавижу! Особенно этих...»

Легко ощутимая, кислотно-жгучая ненависть знакомо всплеснула за лобной костью. Опасно напряглись мышцы, болью отзывались возбужденные нервы. Людвиг ухватился за перила, привалился к стене, пережидая приступ, боясь упасть на этой источенной веками лестнице.

Африканская жара давила на него. Каждый день, каждый час он ощущал на себе удушающие объятия этого чужого солнца. Даже в комнате с закрытыми ставнями, даже в подвале, даже ночью... Солнце всегда пряталось где-то сзади, за шторами, за дверями, за ставнями. Пряталось, давило, душило! Сжимая скользкие от пота, горячие руки на горле у штурмбаннфюрера[11 - Штурмбаннфюрер – звание в СС, соответствующее армейскому званию майора.] Ягера, выполняющего особую миссию в этом ненавидимом им Триполи.

Дыхание со свистом вырывалось из перехваченного судорогой горла. «Как же я их всех ненавижу...»

И почудилось, вспыхнуло на внутренней поверхности глаз... Кровавый снег. Раскаленный пулемет. Люди, валящиеся на снег. Бесшумно...

Ягер расстегнул верхнюю пуговичку на кителе и судорожно вдохнул пыльный воздух. Приступ бешенства прошел, и теперь в теле чувствовалась особенная расслабленность, приятная после сумасшедшего напряжения. Как тогда,

зимой...

Он распрямил спину, слегка помассировал сведенные мышцы рук. Минуту назад казалось, что именно этими руками он сжимает чье-то горло. Какого-нибудь араба или лучше – еврея. Или губернатора-макаронника... Прошло. Сейчас настала минута покоя. Минута расслабленности.

Снизу донесся обеспокоенный голос секретаря:

– Господин майор... Господин майор...

«Боится... – удовлетворенно подумал Людвиг. – Тоже мне, пруссак. Две зуботычины, и гонору как не бывало».

– Господин майор?... – Голос секретаря выражал высшую степень обеспокоенности. Он и в самом деле боялся за Людвига. Случись что с бешеным координатором, с кого будут спрашивать?

– Да! – рявкнул Людвиг. – Я уже иду. Что там у вас?!

Он стремительным шагом преодолел последние ступеньки, на ходу застегивая китель.

– Разве это не может обождать?!

– Осмелюсь доложить... Никак нет... Дела... Они... Вы приказали... – Секретарь начал мямлить, чуть-чуть наклонившись вперед. Он был выше Ягера и всячески стремился этот факт скрыть, сутулился, наклонялся. Людвиг это знал, что не добавляло плюсов секретарю.

– Как вы стоите?! Мокрица! Немедленно встаньте как положено! Смирно!

Секретарь заткнулся и вытянулся в струнку. Теперь весь его богатырский рост был полностью на виду, и это доставляло ему тяжелейшие мучения.

Ягер удовлетворенно сел за стол. Небрежно махнул рукой в сторону открытого окна. Встающее солнце забросило свое щупальце внутрь. Плотные шторы были

мгновенно закрыты, хлопнули ставни.

– Что там у тебя? – спросил Людвиг, небрежно отодвигая в сторону пустой графин с двумя стаканами, покрывшимися белесым налетом. Надо бы выбросить, но руки не доходят.

Секретарь метнулся к столу. Услужливо подсунул какие-то бумажки на подпись.

Ягер бегло просмотрел каждую. Мелькнули знакомые имена, даты, цифры. Но детально вникать не хотелось. Он царапнул бумагу своей подписью и нетерпеливо оттолкнул документы в руки секретаря.

– Что еще?

– В акватории порта совершил посадку гидроплан с пассажирами на борту. В их числе...

– Какой сегодня день? – Ягер вскочил.

– Среда... – не задумываясь отрапортовал секретарь.

Людвиг на мгновение обмяк, покачал опущенной головой.

Его губы искривила усмешка, от которой у некоторых допрашиваемых стыла кровь в жилах.

– Что ж ты молчал, животное?! Я же тебя расстреляю, если... – Людвиг говорил медленно и нежно, как с той проституткой. Он выдержал паузу, а затем заорал:
– Машину мне! Быстро!

Штурмбаннфюрер СС Людвиг Ягер всегда считал себя неплохим актером.

«И склоняй крылья свои перед тем, кто следует за тобой из верующих И иди с ними»

Апокриф. Книга Пяти Зеркал. 72(70)

Человек сидит на коврике. В тени. На голове белоснежная чалма. Одежда словно бы из чистого хлопка. Возможно, так оно и есть, этот человек наверняка может позволить себе такое. Он весь наполнен ветром, воздухом... Но не тем ветром, что дует из пустыни в полдень, грязным, желтовато-серым ветром, тяжелым и смертоносным. Нет. Белые одеяния этого человека наполнены легким, чистым воздухом, который веет над ручьем в оазисе. Прохладным... И дыхание этого ветра ощущают все вокруг. Как глоток воды, как свежесть листвы...

И поэтому слушать его собрались все, кто только мог.

Человек сидит на коврике. Посреди большого людского круга. Ветер разносит его слова далеко...

– ... Те, кто приобрел зло и кого окружил грех, то они обитатели огня, они в нем вечно пребывают. А те, которые уверовали и творили благое, те обитатели рая, они в нем вечно пребывают...

– ... Те, кому мы даровали писание, считают его достойным чтением, те веруют в него. А если кто не верует в него, те будут в убытке...

– ... Свидетельствует Аллах, что нет божества, кроме него...

– ...но мы остались одни, – голос хриплый, грудной. Человек сидит на коне.

Откуда взялся человек? Откуда конь? Да и какой прок человеку от коня? В пустыне-то... Верблюд – дело другое. А конь...

Два человека смотрят друг на друга.

Один на коврике в тени, и голос его разносит прохладный ветер. Другой на коне, на солнцепеке, с лицом, которое напоминает дно высохшей реки. Потрескавшееся, коричневое. Страшное.

И люди вокруг. Были... Куда пропали? Как сумели? Как поняли?..

Человек в белом пошевелился, сложил руки на груди. Мелькнул перстень с огромным камнем, прозрачным, как вода. И словно бы в ответ изменилось лицо всадника, как меняется сухое русло реки, когда касается его дыхание вод.

– Ты прервал мою проповедь, – сказал человек в белых одеждах.

– Ха... Ну не прервал, а так... Немного изменил.

– Да, но это была моя проповедь.

– Точно, ты всегда любил это. Наверное, им, – всадник окинул взглядом долишки вокруг, – это требуется. Ты всегда знаешь, что им требуется. В отличие от меня. Я предпочитаю правду...

– Зачем ты пришел, Мухаммад? – Человек на коврике – само воплощение терпения. – Да еще с цитатами из Запретной Книги. Ты, в отличие от меня, никогда проповеди не любил.

– Тоже верно. На мой взгляд, от них никакого толку, – ответил всадник, названный Мухаммадом в честь пророка, и поспешно добавил, видя реакцию проповедника: – Но это только моя точка зрения. Кстати, я не пойму, почему ты называешь Книгу Зеркал запретной... Не объяснишь, Имран?

Земля отозвалась глухим гулом. Если бы кто-то из простых смертных был рядом, то обязательно бы завертел головой: что? откуда? Но рядом никого не было...

– Зачем ты пришел? – Имран отвел глаза, не отвечая на вопрос.

Мухаммад тряхнул поводьями. Прыснул лучиками камень на пальце. Черными лучиками, черный камень... Конь подошел ближе.

– Саммад хочет видеть нас всех. Ему было откровение.

– С каких это пор у него начались откровения?

– Не знаю. Но понимаю тебя. Когда Он нас покинул... я перестал верить в откровения.

Оба корчат гримасы. Один усмехается, другой морщится.

– И тем не менее, – повторяет Мухаммад, – Саммаду нужны мы. А значит, пора двигаться...

– Куда?

– Сам знаешь...

– Я так и не закончил проповедь... – Имран медленно поднимается.

– Ну так закончи! – Мухаммад смеется.

– Все разбежались...

– Но я – то тут!

Минуту Имран смотрит на всадника изучающе. Словно ветерок осторожно обдувает гору. Потом взгляд его темнеет.

Ветер далеко разносит слова...

– Сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте, поистине Аллах не любит преступивших.

И всадник серьезно поднес руки к лицу.

– Аллах велик.

Аллах – с терпеливыми.

Коран. Корова 148(153)

Триполи – странный город.

Садясь в автомобиль, вы не можете точно сказать, когда окажетесь в месте назначения. Одни и те же улицы тут ведут себя очень по-разному в разное время и в зависимости от обстоятельств. Они могут свободно пропустить вас, проглотить, стремительно проталкивая по узкой кишке между грязноватыми домиками, и вы прибудете на место раньше необходимого. В такие моменты улицы Триполи похожи на огромного голодного удава, прихотливо извивающегося в этом жарком аду, насыщенном ароматами базаров, лавок, жаровен, закусовых, животных и людей. Удав глотнул... И вот вы уже мчитесь по изгибам его тела.

Однако так бывает не всегда.

Ягеру иногда казалось, что город живет своей собственной жизнью. Не имеющей отношения к людям, его населяющим. Казалось, вот исчезни вся эта серо-бело-черно-грязная толпа, пропади пропадом эти вечные верблюды и ишаки, и ничего не изменится. Город был, есть и будет. Без людей, с людьми?.. Какая ему, городу, в сущности, разница? Ему и так хорошо.

Казалось, что даже тогда, в полном безлюдье улиц, найдется все же что-то такое, что осложнит дорогу. Закроет путь, заставит двигаться медленно, гудеть неизвестно зачем, ругаться и кричать в окно. Как сейчас.

Ягер безнадежно опаздывал.

Встретить Фрисснера на причале уже было невозможно. Но теперь ставилась под вопрос сама встреча вообще. Оставалась одна надежда – на затяжки с разгрузкой, оформлением бумаг и тому подобные запоздания, которыми славилась итальянская бюрократическая машина.

– Дави, дави эту сволочь! – орал Ягер водителю на ломаном итальянском.

– Не могу, сеньор, никакие могу! – оправдывался водитель, разводя руками и поворачиваясь к Людвигу всем телом, чтобы изобразить полное свое бессилие, при этом едва не наезжая на серого ослика, который перегородил и без того узкую улочку близ лавки, торгующей какими-то тряпками.

– На дорогу смотри, кретин!

Водитель зло надавил на клаксон. Ослик, до того момента молчавший, внезапно заорал, разевая свою пасть насколько было возможно. Разноликая толпа вокруг тут же откликнулась, залопотала на зубодробительной смеси итальянских и арабских наречий. Кто-то всунулся через открытое окошко, получил в зубы от водителя и заорал еще громче.

Ягер возвел очи горе. Почувствовал, как дурная кровь прилила к лицу.

Ослик орал, водитель выдавливал из клаксона противные, почему-то хрипящие звуки, толпа возмущенно гомонила.

– Не желаете ли купить халат? Недорого... – Всунулась в окошко чья-то усатая харя.

– ИАААА!!!! – Серый ослик сопротивлялся тянущим его неизвестно куда поводьям.

– Убери осла! Осла убери, идиот! Убери, тебе говорю, сеньор спешит!! – Водитель вылез из автомобиля и, дико жестикулируя, пытался объяснить что-то человеку в полосатом бурнусе. – Убери, тебе говорю... А мне плевать! Убери, и все! Кто ишак? Сам ишак! Дорога для машин, а не для ослов... По крайней мере, не для таких ослов, как ты! А я на...

– ИАААА!!!

– АААА! – Серый ослик воспользовался тем, что его хозяин ослабил натяжение поводьев, и укусил водителя за ляжку. – Я тебя закопаю, недоносок!!! И твоего сраного осла! И всю семью! И всю семью твоего осла...

Ягер закрыл глаза. Втянул в себя воздух, замер на секунду, а затем плечом открыл дверь, при этом сбив на землю приставучего торговца халатами.

«Вальтер» в руке перекричал всех, включая осла. Две маленькие свинцовые дуры улетели в белое небо.

– Молчать, недоноски!!! Все прочь с дороги! Стреляю без предупреждения!

Удивительно, но посреди всеобщего замешательства именно ослик сориентировался правильно. Он опустил голову и целенаправленно потрусил вперед, теперь уже таща за собой оторопевшего хозяина. Вторым понявшим, к чему идет дело, был водитель. Он мигом вскочил внутрь и спустя мгновение уже мчался по запруженным улицам, рискуя кого-нибудь задавить.

На заднем сиденье сидел взбешенный координатор по делам военнопленных и прятал пистолет в кобуру.

Стрелять Людвиг Ягер собирался именно в такой последовательности: сначала осла, потом водителя и уж затем всех, кто не успеет убратсья подальше. Не пришлось.

У странного города Триполи очень странные улицы.

Порт встретил Ягера всеобщей суматохой, что естественно для такого места. Однако сегодня неразбериха, царившая здесь, была особенно интенсивной. Все обозримое пространство было покрыто черными мундирами итальянской портовой службы. Человеческий гомон, лязг металла, крики, свистки и объявления по громкоговорителю совершенно не соответствовали средневековой атмосфере города. Казалось бы, в чем разница? Та же самая суматоха, крики, гудки автомобилей, крики ослов («вот бестолковое животное!»)... Но какое-то другое настроение властвовало в городской суете. Необъяснимо другое.

Сравнивая эти два разных мира – порт и город, – Людвиг понял, что в пропитанных морской солью людях есть что-то временное. Как будто даже что-то нереальное, как если бы призраки внезапно обрели плотность. На время. Сейчас они есть. Сейчас они плотные, наглые, покрытые потом и солью черти в черной форменной одежде, а потом раз! – и нету. Морьяк и суша – очень

временный союз. Хотя некоторые и считают наоборот... Но, видимо, они ошибаются. Просто союз моряк – море еще более временный.

– Жди меня у ворот, – велел Людвиг водителю, который вышел размяться, растирая укушенную осликом ногу.

Шофер кивнул и, вздыхая, полез внутрь. Машина зачихала, но завелась.

Глядя ей вслед, Ягер испытывал легкое раздражение, которое положено испытывать любому нормальному немцу при виде любой иностранной техники.

«Скопище недоразумений», – помнится, подводил черту под разговором о любой иномарке Генрих Шульц, который до войны работал автомехаником в Кельне. Ягер лично давал ему рекомендацию на вступление в Партию.

«Когда это было? – спросил себя Людвиг. И сам же ответил: – В Берлине. Берлин – это не «где», это – «когда».

Он быстро зашагал к причальному пирсу, куда обычно прибывали все немецкие транспорты. Идти было не близко, но на территории порта пользоваться личным транспортом было запрещено.

Мимо с громкой руганью промчались итальянские матросы, судя по форме, с военного корабля. За ними, не слишком торопясь, следовал какой-то гражданский чин из числа администрации порта, толстенький макаронник.

Когда он поравнялся с Людвигом, тот спросил по-итальянски:

– Почему такая суматоха? Обычно тут тише... Чин хмуро покосился на Ягера, но нехотя ответил:

– Мины.

– Мины? – не понял Людвиг.

– Да, чертовы мины. На рейде подорвался наш буксир. Дерьмовый буксир. Он тащил на себе груз. Дерьмовый груз. И подорвался. На дерьмовой мине.

– И поэтому такая суматоха? Из-за буксира?

– Нет, – еще более хмуро ответил чин. – На буксир всем наплевать. Тем более что он уже на дне. А вот дерьмовый груз...

В этот момент его толкнул плечом пробежавший мимо матрос. Казалось, толстяк только этого и ждал, чтобы взорваться невероятной, сложной и крайне выразительной руганью.

«Что хорошо делают итальянцы, так это сквернословят, – думал Ягер, проталкиваясь дальше. Это было делом не особенно хитрым, поскольку находилось не много людей, которые не уступали ему дорогу. – Хотя некоторые утверждают, что русские ругаются более изощренно. Интересно было бы проверить...»

Через несколько метров его снова догнал тяжело отдувающийся толстяк-портовик.

– Совсем распустились, дерьмовые мерзавцы! – грозно рыкнул он себе под нос.

Людвиг ничего на это не ответил, внутренне согласившись.

– Кстати. – Ягер остановился. – Самолет, гидросамолет, уже прибыл? И где сейчас пассажиры?

– Вам нужен этот дерьмовый самолет? – удивился портовик. – Эта лягушачья этажерка?

– Нет, – терпеливо ответил Людвиг. – Мне нужны пассажиры.

– Они уехали, – уверенно сказал толстяк, делая энергичный жест рукой. – Я лично оформлял им документы. Четверо. Какой-то затюканный очкарик и капитан. И еще двое. А их дерьмовый самолет стоит у третьего пирса. Если вам нужен...

Людвиг развернулся и кинулся к воротам.

– Гидросамолет отправляется назад к утру завтра... – кричал ему вслед портовик. Людвиг еще расслышал, как он добавил вполголоса: – Дерьмовый самолет.

10

Войдите в это селение и питайтесь там, где пожелаете...

Коран. Корова 55(58)

– Вы, наверное, хорошо знаете город? – спросил капитан у Юлиуса, устраивавшегося поудобнее на деревянной скамье в кузове грузовичка.

– Разумеется... – рассеянно сказал Юлиус. – Замечательный город... Если бы не война, то... Он выразительно махнул рукой.

– Осел, – сказал Каунитц.

Серое грязное животное, влекущее куда-то укутанного в белое араба, подозрительно посмотрело на грузовик и проследовало дальше.

– Они тут хоть понимают, что идет война? – спросил Каунитц.

– Ослы? – Богер перешагнул через борт и грохнул на пол кузова свой рюкзак.

– Арабы.

– Понимают, наверное.

– Арабы – очень мудрый народ. Очень мудрый и очень страшный, – задумчиво сказал ученый. – И я думаю, им все равно, кто пришел в Триполи – немцы, англичане или итальянцы.

– Но ведь есть ливийские партизаны. Мне один итальяшка рассказывал... – сказал Каунитц.

– Можно ехать? – перебил его водитель, совсем молодой немец в форме Африканского корпуса. Фрисснер кивнул.

Согласно полученным еще в Италии указаниям, их должен был встретить офицер из штаба Роммеля, подполковник по фамилии Рике. Но когда «бизерта» прибыла в порт, никакого подполковника там не оказалось. Пузатый итальянец отнесся к ним радушно, куда-то позвонил, и почти тут же появился вот этот грузовичок.

«Что ж, если гора не идет к Магомету... Надо бы заехать в штаб, разыскать пресловутого подполковника Рике, если он существует в природе, и начать подготовку. Запасной вариант предусматривал именно такое развитие событий. В штабе нужно найти полковника Боленберга или обратиться напрямую к Роммелю, если он будет на месте».

– Тут есть выпивка? – спросил Каунитц.

– Выпивка есть везде.

– Поганая?

– Поганая выпивка тоже есть везде.

– Я не собираюсь расходовать свой неприкосновенный запас... – буркнул Каунитц. – А эти прохвосты из штаба тут же начнут кланчить гостинцы из Германии. Привыкли, небось, к итальянской бурде.

Грузовик медленно двигался сквозь уличную толчею.

Интересные места тут есть, Юлиус? – спросил Богер, подмигнув ученому.

Тот развел руками:

– Смотря что считать интересным, господин Богер. Мечети, минареты...

– Мечети оставим мусульманам. – Богер замахал руками. – Я имею в виду места, где можно отдохнуть, забыть о заботах дня насущного...

– Я тебе оторвусь, – пригрозил Фрисснер.

«Ребята веселятся... Вернее, веселится Богер. Каунитц, как всегда, брюзга и пессимист. Все-таки правильно сделал Берлин, что дал лучших и хорошо знакомых. Это куда полезнее, чем увешанные крестами профессионалы с десятками боевых операций за плечами, но совершенно незнакомые. А тут всегда знаешь, чего ждать от того и от другого. К тому же оба присматривают за ученым, не обидят его.

Кстати, что-то Юлиус приуныл. Или просто призадумался. Крутит головой, портфель свой к груди прижал...»

11

«А когда пришло к ним писание, от Аллаха, подтверждающее истинность того, что с ними, они не уверовали в это. И над неверующими проклятия Аллаха.

Апокриф. Книга Пяти Зеркал. 124(125)

Триполи сильно изменился. Юлиус не стал об этом говорить спутникам, просто молча смотрел по сторонам и фиксировал увиденное.

Триполи дышал войной. Немецкие и итальянские солдаты, военный транспорт на узких улочках, следы разрушений...

Он обещал Этель показать Триполи. Еще до войны. Теперь, конечно, это придется отложить. Если экспедиция окончится успешно, он обязательно привезет ее сюда вместе с девочками, они будут жить в нормальном отеле на берегу моря, съездят в Бенгази.

В то утро они встретились очень просто. Юлиус еще спал, когда Этель вошла в комнату и разбудила его так, как делала всегда: тихонько поцеловала в ухо и прошептала: «Доброе утро, господин Замке!»

Девочки подросли. Конечно, Юлиус не столь долго провел в лагере, чтобы перемены стали разительными, но ему казалось, что они очень подросли, стали выше, взрослее. Может быть, трудности и горести сделали их такими.

Теперь ничего им не будет угрожать, решил Юлиус, обнимая всех троих и шепча что-то бессвязное.

Теперь все будет хорошо. Очень хорошо.

Завтракали они тоже все вместе. Фрисснер не появлялся. В номер, где разместился Юлиус накануне вечером, принесли хороший сытный завтрак, много сладостей для девочек, отличный настоящий кофе. Этель, не умолкая, рассказывала, как они жили у матери в Ганновере, как ее вызывали в гестапо, как помогал им дядя Вальтер. Оказывается, старенький генерал несколько раз подавал прошения о возвращении в действующую армию, но его не взяли – все-таки восемьдесят три года... Его старый сослуживец по Баварскому полевому артиллерийскому полку Йодль[12 - Йодль, Альфред – генерал, с 1939 г. начальник оперативного отдела.] предложил старику почетную, но совершенно никчемную штабную должность во Франции, но Бух возмутился.

Соседи и друзья все еще чурались Этель, но слух о том, что Юлиус освобожден и оправдан, уже прошел. Видимо, постарались люди фон Лооса, подумал Юлиус с благодарностью. Доброе имя восстановить очень трудно...

А позавчера незнакомый офицер привез продуктовый набор и сообщил Этель, что теперь они будут получать такой еженедельно. Естественно, Этель пыталась выяснить, куда же посылают Юлиуса и когда он вернется. Юлиус отвечал расплывчато:

– Я буду в Африке, дорогая... Нет, я не могу сказать... Это связано с научной работой... Нет, не воевать, я же не солдат, я ученый...

Они провели день, гуляя по городу. Пообедали в ресторанчике на выданную Фрисснером вполне приличную сумму, потом вернулись в отель. Там его уже

ждал молоденький лейтенант.

– Извините, фрау, – смущенно сказал он Этель. – Я должен проводить господина Замке к дантисту.

Дантист всерьез занялся остатками зубов Юлиуса, и через два дня они уже были в полном порядке. Каждый день они встречались с Этель и девочками, которые остановились в другом отеле неподалеку, а вечерами Юлиус работал с рукописью и картами.

Первая половина рукописи почти ничем не отличалась от черновика, когда-то виденного Юлиусом у отца. Отчет о неудачной экспедиции 1935 года, несколько новых вставок (в одной из которых Юлиус с горечью обнаружил пространный фрагмент, описывающий его тупость и косность). А вот описание скрытой от него экспедиции 1938 года было совсем иным, совсем не тот язык. То ли отец работал, подстегивая себя выпивкой и наркотиками – что скрывать, в последние годы он грешил и тем, и другим, – то ли события экспедиции расстроили его рассудок...

Чем, например, объяснить полуразборчивые рваные строки на полях черновиков: «Черный песок... Не забыть о черном песке»?

Почему отец никак не прокомментировал смерть – или гибель? – Карла Тилона? Вернее, прокомментировал, но это больше похоже на Майринка, чем на записи ученого с мировым именем. «Страх обуял нас, и никто не смог подойти к Карлу. Я понимаю, что эти слова звучат недостойно, но в тот момент никто не мог поступить иначе. Особенно был напуган один из наших проводников, который вскочил на коня и умчался прочь. Утром он вернулся и ничего не хотел объяснять, только злобно блестел глазами. На следующую ночь он и еще двое бросили нас».

Так что все-таки произошло?

Судя по всему, к конечной цели экспедиции отец пришел с двумя проводниками и неким Муамаром, о котором он писал очень мало: «Человек он серьезный, хорошо знает пустыню. Я не вдавался в подробности его биографии, которая, возможно, неприглядна и даже страшна, но я ему доверяю». И далее: «Если бы Муамар ушел, пустыня поглотила бы меня, как глотала она тысячи подобных

мне. Я обязан этому человеку жизнью, но не знаю, как отблагодарить его, потому что в первом же оазисе он бросил меня, забрав оставшиеся деньги».

К описанию Зеркала Иблиса Юлиус приблизился в самом конце.

«... Идти дальше было невозможно. Казалось, что сам воздух стал камнем в своем стремлении остановить нас. Мне показалось, что я продвинулся дальше других. Где-то позади хрипели Марк и Алекс, кажется, они захлебывались...»

«Захлебывались? – Это слово повергло Юлиуса в некоторое замешательство. – Куда они попали?»

Он продолжил чтение, с некоторым трудом разбирая отцовский почерк, который почему-то стал как-то грубее, резче и размашистей. Контраст был настолько разителен, что чтение изрядно затруднялось.

«...никто не мог им помочь в данный момент. Сейчас каждый был сам за себя, борясь с ополчившимися стихиями...» Далее следовал размытый водой, очень плохо видимый на копии участок текста. «Огромная плоскость, стоящая под небольшим углом и словно смотрящая в небо. Через всю ее поверхность, сверху вниз, тянется ненормальная трещина. Светлая...»

«Еще лучше! Трещина ненормальная...» – Замке-младший терпеть не мог неточностей в описаниях. К сожалению, его отец этим грешит довольно часто.

«...подойти ближе было невозможно...» Снова неразборчивый участок. И в конце стояла совсем уж малопонятная строчка: «...шевелиющийся песок».

Дата.

Замке посмотрел за окно. Через мутноватое стекло на него смотрел грустный берлинский вечер.

И ведь каждый раз, как они заключают договор, часть из них отбрасывает его.

Коран Корова 94(100)

– Я вас еле нашел! – объявил офицер, резко остановивший их грузовичок.

Фрисснер сделал шаг назад и внимательно оглядел незнакомца.

С виду простой армейский майор. Красивое, но жестокое лицо, его немного портят эти усики... чересчур забавные, пожалуй.

– С кем имею честь? – спросил капитан.

– Майор Ягер. Я должен был вас встретить вместо Рике.

– А где Рике?

– Рике тяжело ранен. Осколок в живот, это очень неприятно и, учитывая то, что мы в Африке, смертельно. Его бронетранспортер наехал на мину.

Фрисснер сочувственно покивал. Подполковника Рике он лично не знал, но, судя по отзывам, офицер был дельный. Что ж...

– Я направлялся в штаб Роммеля, – сказал капитан. Ягер досадливо поморщился:

– Ну и нашумели бы там...

– Извините, но я прекрасно знаю, что бы делал, и это было бы правильно. В то же время я не знаю, что вы за человек. И... – Фрисснер поднял ладонь, пресекая попытку майора вскинуться и заорать. – И я хотел бы получить какие-то подтверждения.

– Ч-черт... – Ягер стал рыться в карманах. Фрисснер терпеливо ждал, оглянувшись на грузовичок. Юлиус протирал очки, ребята таращились по сторонам. Водитель что-то жевал.

– Вот, – майор протянул сложенный вчетверо листок бумаги. Фрисснер развернул его.

«Капитану А. Фрисснеру.

Ганновер.

Я в госпитале, полномочия переданы майору Ягеру. В штабе вам все подтвердят. Больше никаких изменений.

Ганновер.

Подполковник Р. Рике».

«Ганновер» было кодовым словом. Подписи Рике капитан не знал, но был, в общем-то, с самого начала уверен в том, что Ягер и есть Ягер.

– Кто мне может подтвердить этот документ в штабе?

– Роммель не подтвердит. Он сейчас сильно занят на востоке, – ехидно сказал Ягер.

– Я могу связаться с ним, но, думаю, не стоит. Кто еще?

– Например, полковник Боленберг.

– Хорошо. Едем в штаб.

Майор злобно развернулся, забрался в свой рыдван и поехал впереди. Спустя минут двадцать они прибыли в штаб Корпуса.

– Сидите здесь, – сказал Фрисснер спутникам. Каунитц пожал плечами, а Богер демонстративно улегся на скамью и прикрыл глаза. Ученый что-то писал в блокнотике.

Ягер также остался сидеть в своей машине.

Полковник Боленберг оказался очень загорелым человеком с поврежденной левой рукой, которая висела на перевязи. Он сидел в душной комнате за столом, заваленным кипами бумаг, и ремонтировал будильник.

– Здравствуйте, капитан, – сказал он, не отреагировав на вскинутую руку Фрисснера. – Присаживайтесь вон туда, автомат положите на пол.

Фрисснер убрал со стула автомат и сел.

– Так... И вот так, – полковник, откинув голову, полюбовался своей работой, – Вроде должен работать. А вы, как я понимаю, капитан Фрисснер.

– Да, господин полковник.

– Руди вас не дождался. Мотался по делам в Эль-Азизию, и вот... Старая итальянская мина. Наверное, не выживет. Жаль, очень хороший офицер, замечательный танкист. Я готов помочь вам. Что требуется?

– Прежде всего – подтвердить личность некоего майора Ягера, который поймал меня посреди города.

– Людвиг? – полковник прищурился. – Он тот, за кого себя выдает. Работает в комендатуре, и именно ему Рике передал полномочия, касающиеся вашего появления. Не доверяете Ягеру?

– Нет, просто проверяю.

– Он неприятный тип, но дело знает. Поедет с вами?

– Не хотелось бы, – признался Фрисснер. Полковник засмеялся.

– Тем не менее поедет. Раз уж у него такое задание... Буквезд. Бог с ним, чем могу помочь я?

– Распоряжение по организации экспедиции... – напомнил Фрисснер.

– Я в курсе. Горючее, вода, медикаменты, продовольствие, запчасти. Все будет готово в течение дня. Но для начала нужно разобраться с транспортом, не так ли? Сколько вас?

– Со мной трое, плюс охранение – человек десять, плюс проводники... Мы исходили из шестнадцати – восемнадцати человек.

– Приемлемо. Итальянцы в курсе?

– Нет.

– И не надо. Возьмете наших людей. Пойдемте во двор, посмотрим, что там у нас есть...

Они прошли по узким коридорчикам и вышли во двор, огромный и жаркий.

– Если вам нужен танк, просите у самого Роммеля, – говорил по пути Боленберг. – Только сомневаюсь, что Лис[13 - Лис – от «Лис пустыни» прозвища, полученного Роммелем после успешного начала Африканской кампании.] выделит вам хотя бы один ролик[14 - Ролик – слэнговое название танка, популярное у немецких танкистов. По легенде, введено самим Роммелем.]. Фюрер слишком прижимист насчет резервов для Африканского корпуса... – Боленберг проводил взглядом чумазого солдата в спецовке, тащившего куда-то две лысых покрышки.

– Танк нам не нужен, господин полковник – Фрисснер покачал головой. – Нам нужны простые машины для передвижения по пустыне. Не бронеавтомобиль, не армейский тяжелый грузовик... Довольно быстрые и с хорошей проходимостью.

– В таком случае берите итальянские машины. Пойдемте.

Они прошли через двор, остановившись, чтобы пропустить два танка, с рокотом проползших наперерез. Фрисснер проводил их взглядом.

– Трофеи, – пояснил Боленберг. – Британские «матильды», подарок Очинлека[15 - Очинлек, Клод – генерал, командующий британскими войсками на Ближнем Востоке с ноября 1941 г.]. Противник в этом отношении для нас едва ли не

полезней заводов Крупна и Порше. Бросают все подряд. Не успеваем рисовать наши номера и опознавательные знаки... А вот, кстати, и то, что я намереваюсь вам предложить.

– Вот это? – Фрисснер с сомнением прищурился. Полковник расхохотался.

– Понимаю, – сказал он, успокоившись. – Понимаю. Вид, конечно, неказистый, особенно у этого красавца. – Он пнул пыльный баллон тупорылого трехосного грузовичка. – «Фиат-СПА». У него нет такой штуки, как карбюратор, соответственно нечему засоряться. Поверьте, в пустыне вы будете этому очень рады. А это – «фиат-508». Итальянцы конструировали его специально для Северной Африки, о чем, кстати, не удосужились позаботиться мы.

Фрисснер открыл дверцу желто-серенькой легковушки и заглянул внутрь. В салоне пахло машинным маслом, скисшим молоком и блевотиной.

– Наши механики займутся ими, – сказал полковник. – Вот этот «фиат» и три грузовика. Достаточно?

– Более чем. – Фрисснер захлопнул дверцу. – Припасы, бензин, запчасти, люди – все должно поместиться. Чем меньше внимания мы будем привлекать, тем лучше.

– Я не спрашиваю, за каким чертом вы едете к нагорью Тибести, – серьезно сказал полковник, – но не думаю, что это лучшее путешествие в вашей жизни. Последнее – может быть. Но не лучшее.

– Господин полковник, про каждое свое путешествие я думаю, что оно последнее и не лучшее. И, знаете, всегда ошибался.

Они вернулись в прохладный – по сравнению с двором, разумеется, – гараж, и полковник тут же вызвал какого-то Кубе. Тот явился, оказавшись рыжим увальнем с глазами поросенка и нашивками унтера.

– Посели капитана и еще трех человек в приличное место, – велел Боленберг. Кубе кивнул. – Идите с этим парнем, капитан, он вас устроит. Насчет еды и прочего тоже разберетесь. Я жду вас завтра в девять.

Прежде всего Фрисснер подошел к Ягеру и, кашлянув, сказал:

– Извините, майор. Больше у меня нет никаких вопросов.

– Наконец-то, – съязвил тот.

– Поймите меня, – продолжал Фрисснер, – я вас не знаю, Рике ранен, никто нас не встретил...

– Оставим это, – сказал Ягер, вроде бы смягчившись. – Что это за тип? – Унтер-офицер Кубе. Полковник распорядился поселить нас куда-нибудь.

– Отправьте своего Кубе обратно, я сам вас поселю. Я все-таки работаю при комендатуре, сейчас выкинем кого-нибудь из итальяшек.

Ждать возле комендатуры пришлось недолго. Двухэтажный особняк с видом на море обладал минимумом удобств, но Ягер пояснил, что это далеко не самый худший вариант. Только что отсюда выселили двух итальянских полковников, щебечущие между собой итальянские солдаты еще грузили какие-то их чемоданы и диваны.

– Тряпочники, – процедил Ягер презрительно. – Когда Грациано[16 - Грациано, Родольфо – генерал, командующий итальянскими войсками в Киренаике, капитулировавшими в феврале 1941 г.] капитулировал у Бедафomma, небось не собирали шмотки по домам... А теперь мы воюем, а они нажирают себе ряшки.

Каунитц тут же заволновался насчет обеда.

– Успокойтесь, лейтенант, – отрезал Ягер. – Всему свое время.

Обедали они примерно через час в столовой при комендатуре. Вернее, обедали там Богер, Каунитц и Юлиус, а капитан и Ягер быстро перекусили до них и отправились в какую-то кофейню.

В кофейне было жарко и темно. Как и должно быть в настоящей хорошей кофейне – Фрисснер повидал их в Танжере и Тунисе. Перед ними тут же появились чашечки с ароматным напитком, а майор к тому же извлек из кармана

плоскую фляжку, искусно оплетенную кожаными ремешками. Перехватив взгляд Фрисснера, он пояснил:

– Ром. Настоящий ямайский ром, у меня есть небольшой запас. Из трофеев.

– Спасибо Очинлеку? – улыбнулся Фрисснер. Ягер улыбнулся в ответ, но не слишком весело.

– Я не о напитке, я о фляжке, – сказал Фрисснер. – Красивая работа

– В Папенбурге у меня работает знакомый... Папенбург – это лагерь, там сидят в основном уголовники, а они – искусный народ. Не то что политические, которые только языком умеют болтать. Один из них делает вот такие фляжки для офицеров. Когда-нибудь плюну на все и переведусь в лагерь. Простая и рутинная работа, но зато в тишине и покое, – поделился Ягер, добавляя рому в кофе. Согласия Фрисснера он не спросил, и капитан запоздало подумал, что ром можно было употребить и отдельно, а не портить хороший кофе...

Некоторое время они молча пили кофе. Фрисснер чувствовал, как по спине сбегает струйки пота, появилось непреодолимое желание почесаться. Он потерся спиной о деревянную подпорку крыши.

– Осторожно, – заметил майор. – У них тут все на соплях держится.

– Учту.

– Боленберг дал технику?

– Разумеется. Он, похоже, хороший человек.

– Хороший... – фыркнул Ягер. – У них здесь своего рода анархия, капитан. Не сравнить с Восточным фронтом. Да что там, я воевал в Греции, там было куда больше порядка! Одичали они здесь, вот что.

– Жаль, не удалось встретиться с Роммелем, – пробормотал Фрисснер, словно не расслышав слов майора. – Всегда уважал этого человека.

– Надеюсь, к лету он наконец возьмет Тобрук. – Ягер плеснул в свою чашку, где оставалось меньше половины кофе, еще рому.

– Нет, мне достаточно. – Фрисснер накрыл чашку ладонью. – Боленберг дал три итальянских грузовика и легковушку «фиат».

– Эту дрянь? Вы не знаете итальянских машин, капитан!

– У меня нет оснований не доверять полковнику. Он специалист.

– Возьмите наш полугусеничный бронетранспортер!

– И танк. Майор, это научная экспедиция, а не разведка боем! К тому же итальянские машины привлекут меньше внимания.

– Когда от них начнут отваливаться детали, вы заговорите по-другому. Черт, я не хочу ехать на итальянском одре! Они не умеют делать машины! Они вообще ничего не умеют делать, только петь оперы и плавать на гондолах!

Ягер поболтал гущу на дне чашечки и одним глотком отправил в рот.

– Хотите еще кофе? – спросил он.

– Нет, спасибо, у меня еще много. Так вы едете с нами?

– Конечно, я же замещаю Рике.

– Рике не должен был ехать с нами. Он должен был всего лишь выделить людей.

– А я поеду сам. Учтите, штурмбаннфюрер...

– Капитан! – перебил Фрисснер.

– Я-то знаю, что вы штурмбаннфюрер, точно так же, как и двое ваших – оберштурмфюреры[17 - Оберштурмфюрер – звание в СС, соответствующее званию армейского обер-лейтенанта.] в лейтенантских погонах... Маскарад.

– Не я это придумал. – Фрисснер пожал плечами. – Вы, кстати, тоже ходите в армейском.

– Я и говорю: маскарад.

– В пустыню поедem в гражданском.

– Это я знаю. Так вот, учтите... капитан, я еду с вами до самого конца. Вы доверяете ученому?

– Вполне.

– А я – нет. Вы, наверное, думаете, что он действительно бедная овечка? Невинная жертва гестапо?

– Я знаком с его делом. По таким обвинениям можно посадить каждого второго немца.

– Не каждого второго. Настоящее дело Замке было изъято по инициативе генерального секретаря «Анненербе»[18 - «Анненербе» – германское научное общество, подчинявшееся непосредственно Гиммлеру и, в частности, ведавшее всеми археологическими раскопками.] Вольфрама Зиверса. Ваш Замке неблагонадежен, к тому же труслив, на допросах выдал и замазал всех попавшихся под руку, даже по мелочным предложениям. А его отец вообще был странной фигурой. Отказывался от предложений «Анненербе» по финансированию ряда его экспедиций, от других интересных проектов. Когда он поехал сюда в 1938 году, в «Анненербе» об этом даже не знали! Такое впечатление, что он пытался утаить свои исследования от рейха. И его сын, не исключено, такой же. Куда он вас заманит?

– С нами будут люди, которые знают пустыню.

– На проводников из местных я бы полагаться не стал. Добыча слишком привлекательна: машины, бензин, оружие, продукты... За ними самими нужно будет следить. Боленберг, конечно, даст вам знающих солдат, но в тех краях они не были.

– А вы? – Фрисснер не понимал, к чему клонит майор.

– Я тоже. Но я знаю человека, который был там в тридцать восьмом с Вильгельмом Замке. Его зовут Муамар.

13

Разве ты не знаешь, что у Аллаха власть над небесами и землей? И он ответил «Не знаю»

Апокриф. Книга Пяти Зеркал 101(107)

– Муамар? – Фрисснер прищурился. – Если не ошибаюсь, это имя упоминалось в работе профессора. Впрочем, я просматривал его рукописи довольно бегло...

– Мне трудно сказать. – Ягер поиграл чашкой, словно взбалтывая водку перед глотком. – Я не читан этих записок вообще. Но Муамар ходил в экспедицию со старым профессором, это точно. И места эти он знает. Иногда мне кажется, что в голове у этого араба вся карта Ливии. Со всеми ее пустынями.

– Он коренной житель? – спросил Фрисснер.

– Что?

– Я говорю: Муамар коренной?

– Тут очень трудно собрать данные о ком-либо из местных. – Ягер зло усмехнулся. – И без того скудные архивы итальянцев разворованы или уничтожены. А местные, мне кажется, даже писать не умеют.

– Напрасно вы так думаете. – Фрисснер прихлебнул из чашечки. Оказалось, что кофе остыл и приобрел противный вкус. – Я думаю, что наш профессор смог бы рассказать вам много об этом народе. И о его письменности в том числе...

– Да уж... – Людвиг потянулся. – Наш профессор... Та еще птица. За ним нужен глаз да глаз.

Фрисснер пожал плечами и махнул рукой человеку, который пристально следил за ними.

– Еще кофе, пожалуйста. – Потом повернулся к Ягеру: – Смотрите не перестарайтесь. Когда я вытащил его из Бельзена, он шарахался от собственной тени. Мне бы хотелось, чтобы он делал свою работу, не оглядываясь постоянно через плечо.

– Не беспокойтесь, я знаю свое дело. – Ягер посмотрел на новую чашечку кофе, поставленную перед Фрисснером. – Хотите еще рома?

– Нет, благодарю.

– Как будет угодно. – Ягер поднялся. – К сожалению, я должен идти. Вы доберетесь до дома сами? Тут недалеко... Увидимся завтра.

Он пожал руку Фрисснеру, решив держаться с ним поближе. Тем более что им предстояла совместная очень неблизкая дорога, и с самого начала накалять обстановку было бы неразумно.

Оставив штурмбаннфюрера, то есть капитана, допивать кофе в одиночестве, Ягер вышел на улицу, предварительно оплатив оба счета. Средств, слава боту, хватало, а оказать маленькую услугу Фрисснеру Ягер считал правильным. Тем более что его опыт работы и вербовки агентуры рекомендовал подобные ходы. Часто получалось так, что мелкие и незначительные услуги ценились людьми гораздо выше, чем действительно реальная помощь.

Людвиг переждал, пока мимо него проедет телега, груженная разнообразными фруктами, и перешел улицу. Тут же под ноги бросился попрошайка, лопоча что-то на ломаном итальянском. Ягер легко пнул его сапогом и пошел дальше.

– Ааа... господин... Одну монетку, прошу... Господин... – Попрошайка не унимался, цепляясь за брюки.

– Пшел вон, – сквозь зубы бросил Людвиг. Наметанным глазом он заметил в полутьме подворотни нескольких человек, которые с напряжением следили за действиями попрошайки.

– Всего одну монету... Господин... Ну пожалуйста...

Ягер сделал несколько шагов, а потом с деланным недовольством полез в карман. Попрошайка тут же оказался рядом. Люди в подворотне насторожились.

Людвиг вынул монетку, подкинул ее в воздух, затем ловко поймал и, зажав в кулаке, двинул им попрошайке в ухо. Оборванец покатился в пыль.

– Ну, как тебе? – обратился к нему Ягер. – Еще хочешь монетку?

Нищий уполз в пыль, прикинувшись какой-то ветошью. Фигуры в подворотне истаяли.

Жест Людвиг не был продиктован просто жестокостью или жестокосердием. Это был инстинкт самосохранения. Прожив в Триполи некоторое время, он хорошо изучил нравы местного дна. Милосердие тут было не в почете и каралось весьма жестоко. Уличная шпана, обладавшая чутьем стаи шакалов, с легкостью определяла человека мягкосердечного и слабого. Поэтому податель милостыни через два квартала мог вполне нарваться на нож или просто быть избит и ограблен. Так что поступок Ягера был воспринят окружающими вполне спокойно.

Через две улицы, запруженные различными повозками, осликами и просто пешими людьми с баулами за плечами, Людвиг вышел к большому по меркам военного Триполи ресторану. На площади перед ним было шумно. Отряд итальянской полиции безуспешно пытался снести самодельные торговые палатки. Эта процедура повторялась каждый день с занудным постоянством. Обычно к вечеру полиция все-таки сносила последний шатер, хозяина, если его удавалось поймать, препровождали в комендатуру, но к утру все торговцы снова толклись на прежних местах.

Ягер обогнул шумящую и дерущуюся толпу и нырнул в неприметный подвальныйчик, источающий сладкий, дурманящий аромат. Человек, сидящий у дверей, дюжей комплекции малый, безразлично скользнул по Людвигу взглядом.

Скользнул и отодвинулся от входа – проходи, мол.

Ягер не заставил себя долго ждать и с головой окунулся в темноту помещения.

Лестница, застланная коврами и ведущая куда-то в темноту, никак не отозвалась на подошвы офицерских сапог. Через несколько метров тусклый светильник обозначил поворот, и снова бесшумная темнота заскользила мимо Людвига.

Наконец спуск кончился, и он очутился в помещении, где на полу, устланном коврами и циновками, лежали люди, вперив в пространство неподвижный взгляд. В воздухе витал сладкий дурман, источаемый десятками кальянов.

Шум улицы остался где-то в прошлом., В носу засвербело. Страшно захотелось чихнуть.

Людвиг не страдал пристрастием к постоянному курению гашиша, но иногда, с переменным успехом, пробовал это зелье. Галлюцинации, порождаемые им, не вызывали в Ягере никакого трепета. Скорее наоборот, ничего, кроме жалости к этим беспомощным людям, он не испытывал. А знать, что ты и сам превращаешься в подобное существо, даже если это происходит только в момент курения, было крайне неприятно. Главное, зачем он приходил в это место, – это встречи с агентурой.

Рядом возник человек в жилетке на голое тело и в шароварах. Поклонился и вопросительно посмотрел на Ягера.

– Кальян?.. – донесся до Людвига сильно сдобренный арабским акцентом голос.

Ягер покачал головой. Человек тут же исчез. Одна из причин встреч в этом месте состояла в том, что хозяева не были назойливы.

Найдя нужного человека, Ягер пересек зал и прилег на мягкие подушки в отдельной комнатке.

– У вас не найдется немного табака? – спросил человек, возлежавший там вместе с полуголой, довольно немолодой женщиной.

– Нет, только что выкурил последнюю трубку, – условной фразой ответил Ягер.

Человек в белом костюме задумчиво покивал и всосал в себя дым из кальяна, потом передал трубку своей подруге. Та втянула яростно, так что в чашечке зашкворчало. Глаза ее подернулись осенним ледком.

– Прошу вас, – сказал связной по-немецки. Он принял немного, но гашиш успел подействовать. Жесты были плавными, слова немного заторможенными. Жесткий немецкий язык в его устах приобрел явно арабский оттенок и цветистость. Впрочем, разум этого человека был закален достаточно, чтобы сохранять необходимую ясность в любой ситуации.

– Они прибыли сегодня, – сказал Ягер также по-немецки. – Профессор с сопровождением. Дневники старика находятся у профессора. О цели путешествия он сам имеет весьма смутное представление. Руководит всем предприятием капитан...

– Не надо имен, – предостерег Людвиг человека, чем вызвал в Ягере легкое раздражение. Впрочем, этого связной не заметил, он был занят рассматриванием острой стрелки на своих белоснежных брюках.

– ... Капитан руководит всем, но и он, как мне кажется, окончательно не посвящен в суть. Этот человек практик.

– Тогда в чем же смысл?

– Они должны найти предмет и доставить его в Берлин. На этом их миссия заканчивается.

– Это ваши личные заключения или?..

– Мои личные.

Связной покачал головой.

– Нам этого достаточно. Мы свяжемся с вами позднее.

И когда говорят им: «Что же ниспослал вам ваш Господь?» – они отвечают «Сказки древних»

Коран. Пчелы 26 (24)

– В пустыне ночью холодно... – задумчиво сказал Богер, глядя в окно. Он сидел на подоконнике и курил, стряхивая пепел наружу.

– К чему это ты? – насторожился Каунитц.

– Да просто так. Всегда, когда сижу в тепле, курю, думаю о том, что мог бы морозить задницу где-нибудь в России, например... Мой брат сейчас на Восточном фронте. Дай бог, чтобы у него все было хорошо... Он летает на «хейнкеле».

О брате Богера Фрисснер прекрасно знал. Он всегда вспоминал о нем. Макс Богер. Старший брат был для него примером, еще с ученических лет, наверное... Где-то в Силезии жила мать Богера, Фрисснер однажды видел ее фотографию: толстая опрятная старушка с лицом морщинистым, словно иранский изюм.

Каунитц был куда более скрытным. Он никогда не выносил на люди свои мысли, прячась под маской этакого беспросветного пессимиста. В полку его так и звали – Ворчун Каунитц.

«Я верю им, как самому себе, – подумал Фрисснер. – Как самому себе.

А верю ли я самому себе? Это очень громкая фраза... Если бы я верил самому себе, тогда в сороковом я пошел бы в десантники, когда меня приглашал сам Штудент[19 - Штудент, Курт – генерал, командующий парашютно-десантными войсками Германии с 1939 г.]... А ведь не пошел. Потому что десантники – это война по правилам, а я не люблю войну по правилам. Никто в «Эббингаузе» – из тех, разумеется, о ком вообще стоит вспоминать, – не любил войну по правилам. Ни фон Хиппель, ни затейник Граберт, ни капитан Катвиц, ни обер-лейтенант Кнаак, погибший под Двинском в самом начале войны против русских...

И вот, вместо десанта, вместо «Бранденбурга» – СС. Из капитанов – в штурмбаннфюреры, и опять в капитаны, пусть и фиктивные».

Фрисснер потянулся до хруста в спине, заложил руки за голову. Чертова подушка набита, наверное, песком. Итальянцы спали на своем, перины и пух... А нам – дырявые матрацы.

Он покосился на Богера, который что-то чуть слышно напевал себе под нос, все так же глядя в окно, в звездную ночь.

Старая испытанная тройка. Вернее, четверка. Был еще Хоффман, который погиб в Бельгии. С тех пор их осталось трое.

Трое, которыми гордилось спецподразделение «Эббингауз».

Трое, которыми гордился полк «Бранденбург-800».

Четверка, конечно, распалась, и распалась безвозвратно. Стандартный набор: Фрисснер – командир группы, Хоффман – связист, Богер – снайпер и Каунитц – узкий специалист, сапер и механик... Почти все четверки «Эббингауза» теперь уже распались. Идея «Бранденбурга» была хороша, но полк медленно превращался в обычную боевую единицу. Появился батальон из украинских националистов «Нахтигаль», поговаривали о формировании роты из русских горцев... С такими людьми Фрисснер не мог воевать бок о бок. Поэтому он несказанно обрадовался, когда, уйдя из полка, почти сразу же получил предложение возглавить эту маленькую экспедицию в Африку.

Фрисснер не был ученым, он был диверсантом, военным, сорви-головой. Но уж никак не ученым, не мистиком, он не верил в то, ради чего его сюда послали. Зеркало Иблиса... Выдумка? Может быть. Но выдумка, которая чего-то да стоит, раз нас сюда послали, – Фрисснер думал именно так. А его ребята не привыкли задавать лишних вопросов.

Армейский ты майор или штурмбаннфюрер СС – разница невелика. Фрисснер с уважением относился к СС, но никогда не считал их сверхлюдьми – хотя бы потому, что многие сослуживцы, которые – объективно – были хуже него, стали эсэсовцами куда раньше, чем Фрисснер, Каунитц и Богер.

– Эмиль, кажется, пришел кот. Слышишь, скребется? Открой, пожалуйста, дверь, – попросил с подоконника Богер. Каунитц молча поднялся, открыл, и в комнату вошел худой полосатый кот. Богер, большой поклонник кошачьего племени, уже успел его прикормить, и кот сообразил, что такой дружбой пренебрегать не стоит.

– Красавец! – расплылся в улыбке Богер. Фрисснер подумал, что красавцем кота назвать трудно. Длинный и тощий, он то ли забрел в дом случайно, изголодавшись на бедных помойках Триполи, то ли приехал вместе с итальянцами, которые его потом бросили. Кот запрыгнул на колени к своему благодетелю и, разлегшись там, блаженно замурлыкал.

– Сейчас открою тебе консервы, – пообещал Богер.

– Если он нагадит, я выкину его в окно, – предупредил Каунитц, возившийся с пистолетом. Он очень любил оружие, Эмиль Каунитц. Чистил и смазывал свой «люгер» каждый день, а Богер из вредности все время склонял его к спорам о пистолетах и револьверах, доказывая, что «люгеру» не сравниться с «вальтером» и даже браунингом. Каунитц неизменно пускался в спор, хотя аргументы обеих сторон были избитыми донельзя. Спор превратился в ритуал, который однажды нарушил Фрисснер, нахально заявив, что никакой пистолет не сравнится с «кольтом». Это повергло спорщиков в шок, после чего оба обрушились на штурмбаннфюрера. Впрочем, во второй раз этот номер не прошел.

– Не нагадит, – промямлил Богер, ласково почесывая кота за ухом. – И потом, скорее я выкину тебя. Один тип – между прочим, из лейбштандарта «Адольф Гитлер» – пнул кошку в пивной, в Гамбурге.

– И что? – с интересом спросил Фрисснер.

– Я пнул его.

– А он?

– Он, естественно, пнул меня. Короче, нас выкинули оттуда, потому что мы оба были пьяны в стельку, и мы продолжили беседу на улице. Оказался неплохой

парень... Но с кошками я его обращаться научил!

– Что тебе в них? – спросил Каунитц, заглядывая в ствол пистолета.

– Кошки – животные самостоятельные. Если бы ты выбросил этого приятеля, – Богер погладил кота, – в окно, ты думаешь, он пропал бы? Черта с два. Это не собака, которая по своей натуре раб, и раб, мало приспособленный к жизни. Оставь в глухом лесу кота и собаку. Собаку быстро сожрут волки или медведи, а кот обживется, найдет пищу, одичает. Я сам как кот. Я тоже не пропаду в лесу, там, где другого сожрут.

– Да ты философ, – улыбнулся Каунитц.

– Я диверсант, – улыбнулся в ответ Богер. – Если я когда-нибудь стану командовать полком или просто отрядом, я назову его «Ди шварце катцен» – «Черные кошки». Я даже эмблему придумал. Она у меня вот тут, – он постучал согнутым мизинцем по виску. – Кстати, сегодня купил у старика занятную цацку – смотрите...

Он с еле слышным стуком поставил на стол фигурку кошки, искусно вырезанную из черного ноздреватого камня. Зверек словно бы настороженно замер, приподняв лапу и изогнув спину.

Кот, лежавший на коленях у Богера, отреагировал на появление искусственной кошки странновато. Он вскочил и спрятался за Макса. Потом с округлившимися глазами высунул из-за его ноги свою мордочку. Подошел к фигурке ближе и осторожно тронул ее мягкой лапкой. И только убедившись в ее безопасности, вернулся в свое исходное положение.

– Безделушка, – оценил Каунитц.

– Красиво, – сказал Фрисснер. – Зачем она тебе?

– Старикан сказал, что пригодится. Талисман. Буду таскать в кармане, мало ли что.. Всякое бывает. Он чего-то тараторил по-своему, я не понял толком... Но ребята рассказывали, такая штука иногда спасает.

– Ага. Спасает не такая штука, а хорошая артподготовка или появление парней Толстого Германа, – хмыкнул Каунитц.

– Ну вот и жди их, а я купил себе вот эту кошечку. – Макс полюбовался на фигурку и спрятал ее в карман. – А что там поделывает наш профессор?

– Полагаю, спит, – сказал Фрисснер. – Хотя... Пойду навещу его.

Он обулся и направился к Замке, которому выделили маленькую комнатку напротив. Дверь была не заперта, ученый сидел за столом и что-то читал при свече, набросив куртку на плечи.

– Извините, – сказал Фрисснер, когда тот оглянулся на скрип половиц.

– Ничего страшного... Который час, господин капитан?

– Около двенадцати.

– Пора спать... Мы ведь завтра выезжаем?

– Наверное. Полковник Боленберг завтра в девять ждет меня, надеюсь, все уже будет готово. Кстати, я хотел бы взять вас с собой. Оцените технику...

– А что он нам предлагает?

– Итальянские машины. Такие тупорылые грузовики и легковушку, о которой сказал, что ее делали специально для Африки...

– Ну и берите. Господин капитан, я не механик, разбираюсь в этом очень слабо... Но мы с отцом использовали именно такие. Если я вам понадоблюсь утром, будите меня безжалостно. А сейчас я, с вашего разрешения, посплю...

Но поспать в эту ночь им не совсем удалось. Британская авиация бомбила Триполи, бомбы рвались в нескольких кварталах от дома, но казалось, что все они летят прямо сюда. Фрисснер, не раз попадавший под бомбежку и в полевых условиях, и в городе, вывел всех в сад и загнал в вырытую еще, наверное, итальянцами щель. Она была накрыта листами фанеры. Вглубь Фрисснер

поместил ученого, закутанного в одеяло. Замке прихватил с собой рукопись, и Фрисснер не стал возражать. Богер тут же, по обыкновению, уснул, а Каунитц ворчал что-то по поводу «проклятых томми», которые не дают спать и отдыхать.

Бомбежка длилась с четверть часа, однажды над самым домом на бреющем прошел чей-то самолет – то ли немецкий, то ли британский истребитель из сопровождения «бомбеев» и «уитли». Закончилась она в три часа ночи, но еще минут пятнадцать они просидели в щели. Потом Фрисснер разбудил Богера, и все четверо вернулись в дом.

Поднимаясь по темной лестнице, Фрисснер подумал, что их тройка, кажется, опять превратилась в четверку, как в благословенные времена «Эббингауза». Вместо Хоффмана – Замке. Кошунственно, но в ближайшие месяцы им придется жить, работать, а может быть, и воевать вчетвером.

Вчетвером против всех.

15

Брось, что у тебя в правой руке, пожрет оно то, что они создали;

Но не страшись и будь решителен.

Апокриф. Книга Пяти Зеркал. 11(17)

Над столом вилась муха.

Альберт Шпеер[20 - Шпеер, Альберт – рейхсминистр вооружения и военной промышленности.] хотел было прихлопнуть ее ладонью, но не стал этого делать – кто знает, как среагировал бы фюрер... Муха – не слон, и пусть о ней заботятся люди из obsługi.

Муха, словно прочитав мысли Шпеера и догадавшись о полной своей безопасности, уселась на бювар и принялась чистить крылышки. Шпеер с трудом отвел от нее взгляд, и вовремя: Гитлер смотрел на него и, казалось, готов был

что-то спросить.

Но фюрер ничего не спросил.

– Этот человек мне очень понравился, – сказал он решительно. – Я назначаю его своим статс-секретарем.

Речь шла о докторе Ганценмюллере, молодом советнике имперского управления железных дорог, которого Шпеер только что представил Гитлеру. Фюрер давненько подумывал – вернее, ему внушил это тот же Шпеер, – что неплохо бы заменить старого шестидесятипятилетнего статс-секретаря кем-нибудь помоложе из подающих надежды. Рейхсминистр транспорта Дорпмюллер был категорически против, чему не приходилось удивляться – Дорпмюллеру самому было семьдесят три, но кто, в конце концов, прислушивался к его мнению?

«Дорпмюллер, Ганценмюллер... Интересное совпадение, – подумал Шпеер. Старик будет недоволен, подумает, что я издеваюсь. Это нехорошо, нужно было подумать раньше. Теперь уже поздно. После слов фюрера ничего не изменишь, ну, оно и к лучшему. Разбираться с железными дорогами все равно надо – то, что сегодня творится на занятых нами русских территориях, никуда не годится».

Накануне Шпеер предложил Гитлеру вначале посоветоваться с рейхсминистром транспорта, но Гитлер был категоричен:

– Ни в коем случае! Никто из них не должен ничего знать. Я просто вызову вас, господин Шпеер, вместе с вашим кандидатом в ставку. А имперский министр транспорта пусть приедет отдельно от вас.

Сейчас старик Дорпмюллер околачивался в приемной, прекрасно понимая, о чем тут идет речь и зачем Шпеер привел с собой молодого советника. А вот Ганценмюллер о присутствии рейхсминистра не знал и потому держался молодцом. Не робел, беседовал с фюрером спокойно и деловито, показал прекрасное знание проблем железной дороги. Другие участники совещания одобрительно переглядывались, фельдмаршал Мильх задумчиво кивал.

«Не исключено, что Гитлер принял решение заранее, еще когда ознакомился с российскими подвигами Ганценмюллера, где тот наладил практически безнадежно парализованное движение поездов между Минском и Смоленском.

Это вполне в духе фюрера».

– В прошлую зиму мне пришлось решать проблемы, – продолжал между тем Гитлер, – с которыми я никогда в жизни не сталкивался. И так называемые специалисты, и люди, занимающие ответственные посты, то и дело твердили: это невозможно, это не получится. Больше я не потерплю подобных суждений! Истинные руководители всегда решали и решают любые проблемы. И ни с кем особенно не церемонятся. И меня совершенно не интересует мнение потомков о моих методах. Мы должны выиграть войну, в противном случае Германию ожидает гибель. Вот единственное, что меня волнует.

Новоиспеченный статс-секретарь, порозовев, слушал Гитлера и явно воспринимал его слова как руководство к действию.

«Надо бы поговорить с министром, – подумал Шпеер, вновь заметив муху, на сей раз севшую на подлокотник соседнего кресла. – Старик очень, очень обидится. А специалист он все-таки отличный, зачем ссориться с ним по пустякам?»

– Прошлой зимой я сумел предотвратить катастрофу только потому, что успешно противостоял натиску генералов, которые настаивали на отступлении, – продолжал Гитлер. Наверное, он говорил это скорее для себя, но Ганценмюллер и Шпеер слушали внимательно. – А вы... – фюрер повернулся к советнику. – Вы своим поведением на фронте доказали, что обладаете должной энергией и способны навести порядок на транспорте. Шпеер, рейхсминистр в приемной?

Шпеер кивнул.

– Пусть войдет, с кем он там еще пришел...

Шпеер подошел к двери кабинета и открыл ее. Старик сидел на диванчике, вполголоса беседуя со своим министерскаль-директором Лейбрандтом.

– Фюрер приглашает вас, – сказал Шпеер. Дорпмюллер колюче взглянул на него, пропустил вперед министерскаль-директора.

– Я намерен своим личным вмешательством изменить сложившуюся ситуацию! – заявил Гитлер, как только они вошли. – Я в свое время тоже начинал с нуля, был

просто солдатом Первой мировой войны и пришел в политику, когда все, кто считал себя истинными вождями, оказались далеко не на высоте. Железная воля – вот что помогло мне одержать победу. Весь мой жизненный путь подтверждает, что я никогда не отступаю перед трудностями. Война поставила перед нами новые задачи, и мы просто обязаны решить их. Я повторяю, для меня не существует слова «невозможно». Он сверкнул глазами и крикнул: – Не существует – и все!

«Очень удобный момент для рукоплесканий, – подумал Шпеер. – Зал встает и кричит: «Хайль!». Вот только зала нет, а участники совещания – народ привычный».

Выдержав паузу, Гитлер сказал уже вполне спокойным голосом:

– Я, господин Дорпмюллер, назначаю вашего советника, вот этого молодого человека, на пост статс-секретаря.

Рейхсминистр промолчал. Он лишь кивнул и покосился на Ганпенмюллера, который явно чувствовал себя не совсем удобно. Тем не менее факт свершился, и совещание продолжалось как ни в чем не бывало. Проблема железных дорог муссировалась еще некоторое время, после чего Мильх и Шпеер получили временные чрезвычайные полномочия на транспорте. Завершая совещание, Гитлер с металлом в голосе заявил:

– Транспортная проблема не может стать причиной нашего поражения. Следовательно, она должна быть разрешена.

Чиновники и генералы поднимались из-за стола, складывали бумаги в папки и портфели. Гитлер поманил пальцем Шпеера, который подошел к рейхсминистру транспорта и хотел было заговорить с ним в надежде как-то смягчить неприятный момент.

– Оставайтесь на пару минут, – сказал. Гитлер. – Я хочу, чтобы вы присутствовали при разговоре.

Каком разговоре, с кем, фюрер не сказал. Шпеер сел на свободное кресло, дожидаясь, пока участники совещания покинут кабинет. Наконец все удалились. Гитлер, не обращая внимания на Шпеера, поправил воротник, откашлялся и

посмотрел на часы.

– Довольно долго мы говорили о таких банальных вещах, – досадливо сказал он. – Почему я всегда все должен делать сам? Почему у меня много советчиков, которые не в силах сделать что-то реальное, как только тому придет надобность?

Шпеер пожал плечами:

– Хорошие советчики – не всегда хорошие специалисты...

Фюрер посмотрел на него, ничего не сказал, потер лицо руками.

– Ах, было б у меня здоровье покрепче... – пробормотал он чуть слышно. И Шпеер вспомнил: именно эти слова, именно так же устало сказал ему Гитлер в тридцать девятом, когда стоял возле огромного макета новой застройки Берлина. Тогда он взял Шпеера за руку и произнес:

– Теперь вы поняли, почему мы делаем это с таким размахом? Это ведь столица германского рейха – ах, будь у меня здоровье покрепче...

Отняв ладони от лица, Гитлер вновь выглядел бодрым и готовым к делам.

– Итак, – сказал он громко, – я попросил вас остаться. Сейчас сюда войдут два человека. Вы их, наверное, знаете. Прошу вас, внимательно выслушайте то, что они будут говорить, а потом скажете мне свое мнение.

Шпеер не удивился. Фюрер считался с его мнением, и не только в том, что касалось архитектуры, вооружений или транспорта. Кто бы там ни ждал в приемной, Гитлер не был уверен в них или их идее до конца и потому надеялся на стороннего объективного слушателя.

Первого из вошедших Шпеер действительно знал, хотя и не очень хорошо, – это был Вольфрам Зиверс, шеф «Анненербе». К этой организации Шпеер относился не совсем серьезно, хотя, конечно же, пользу они тоже приносили, и порой немалую. В то же время сугубый материалист Шпеер не мог не веселиться в душе при мысли о черных магах в эсэсовских мундирах, корпевших над

древними рунами в поисках ужасного заклинания, которое, к примеру, загонит в ад Сталина или Черчилля вместе с их армиями.

За ним вошел достаточно молодой бригаденфюрер СС с лицом бывшего боксера. По крайней мере, его сломанный нос об этом говорил красноречиво.

Гитлер не стал представлять их друг другу, полагаясь на то, что и Шпеер знает их, и они знают Шпеера. Усадив всех за стол, Гитлер сказал:

– Я надеюсь, присутствие рейхсминистра не мешает нашей беседе?

«Попробовал бы ты сказать что-то против», – улыбнулся про себя Шпеер при виде недовольной мины шефа «Анненербе».

– Я недоволен, – без обиняков начал Гитлер. – Когда Дарре создавал общество по изучению древней германской истории, он, возможно, и довольствовался этим. То бишь тем, что вы переписываете старые труды по расовой доктрине. Больше, чем Мюллер, Вагнер или даже этот француз Гобино, вы все равно не сделаете! Мне нужны другие результаты, совсем другие. Осязаемые результаты! Я правильно сделал, что переподчинил вас Гиммлеру, но Гиммлер, я вижу, очень мало требует от вас!

Шпеер с удовлетворением заметил, что муха уселась на нос Зиверса, а тот не осмеливается ее согнать. Фюрер привстал, повысил голос:

– Мы тратим на содержание общества огромные средства, которые с большей пользойгодились бы рейху в десятке других мест! Раскопки – это хорошо, но бытовые подробности жизни викингов не помогут нашим солдатам на Восточном фронте! Только что мы обсуждали вопросы транспорта, который оказался не готов к сегодняшним тяжелым условиям, и я обещаю вам, мы решим эти вопросы. Решим, потому что не решать их нельзя. А вот как вы решаете свои вопросы, Зиверс? Что вы можете рассказать мне сегодня?

Зиверс молчал, глядя в одну точку. Он не был трусливым человеком, но сейчас лучше было не вступать, пусть фюрер выговорится.

Гитлер и в самом деле выговорился. Он опустил в кресло и сказал ворчливо:

– У вас на носу муха, Зиверс. Могли бы ее и сами согнать, а не ждать моего указания.

Бригаденфюрер с трудом сдержал улыбку, а покрасневший Зиверс поспешно смахнул насекомое.

– Что у вас? – спросил Гитлер. Прозвучало это вполне миролюбиво, и Зиверс начал:

– Я не буду сейчас делать развернутый доклад о деятельности общества, мой фюрер. Скажу только об операции «Тангейзер». Пока никаких накладок, ядро группы прибыло в Триполи точно к указанному сроку. У нас есть все основания полагать, что и в дальнейшем не произойдет ничего непредвиденного. Состав группы вы знаете: проверенные люди из «Бранденбурга», мастера своего дела, убежденные национал-социалисты. Научный консультант, как и оговаривалось, доставлен из Бельзена, состояние удовлетворительное, даже, можно сказать, хорошее. Бригаденфюрер фон Лоос беседовал с ним.

– Пожалуйста, бригаденфюрер, – кивнул Гитлер.

– Доктор Замке относится к экспедиции скептически, – сказал бригаденфюрер. – Это лучшее, чего можно желать. Фанатичный поклонник научных идей покойного отца мог бы наделать глупостей, а Замке будет руководствоваться трезвым рассудком. Насколько я знаю, даже после знакомства с работой отца он не верит в конечную цель. Что касается офицеров из «Бранденбурга», вернее, бывших офицеров из «Бранденбурга», то в них мы уверены полностью.

– Что значит «бывших»? – осведомился Гитлер.

– Мы перевели их в войска СС. Официально прикомандированы к аппарату Гейдриха, но это ровным счетом ничего не значит, мой фюрер.

– Опытные люди?

– Одни из лучших. Работали в Норвегии, Бельгии, Дании, Франции, Польше, Югославии, Греции.

– Кто будет им придан?

– У Роммеля знают об экспедиции ровно столько, сколько должны знать. Они выделяют транспорт и все необходимое. Правда, произошла небольшая накладка, офицер, ведавший этими вопросами, едва не погиб накануне прибытия группы в Триполи...

«Честный бригаденфюрер, – отметил Шпеер. – Эту информацию Гитлеру можно было и не давать.

Он любит честность, но иногда подобные откровения выходят говорившим их боком...»

Но фюрер был настроен иначе.

– Что случилось? Кто он?

– Подполковник Рудольф Рике. Его автомобиль наехал на старую мину. Подполковник в очень тяжелом состоянии.

– Рике... – Гитлер задумался. – Он не служил в Баварском кавалерийском полку?

– Совершенно верно, мой фюрер!

Гитлер улыбнулся, довольный. Память не подвела, хотя этого Рике он явно видел мимоходом, на каком-нибудь торжественном мероприятии или в инспекционной поездке.

– Что мы можем для него сделать?

– Зауэрбрух, мой фюрер, – сказал Шпеер. – Он спас полковника фон Штауффенберга после ранения в Тунисе.

– Да-да, конечно, – оживленно кивнул Гитлер. – Зауэрбрух. Решите вопрос с самолетом, обязательно решите. Кто сейчас занимается обеспечением?

– Полковник Боленберг. Никаких сложностей не будет, – заверил фон Лоос.

– Приятно видеть людей, которые не обещают сложностей. А ведь сейчас все только и говорят о сложностях. Сложности тут, сложности там... – ворчливо произнес фюрер. Тем не менее он явно пребывал в отличном настроении.

Бригаденфюрер, воодушевленный этими словами, продолжал:

– К сожалению, мы вынуждены отказаться от радиосвязи, чтобы обеспечить полную секретность операции. Как только они выедут из контролируемой войсками зоны, никакой информации поступать не будет. Это вынужденная мера, и...

– Все ясно, бригаденфюрер, – перебил Гитлер. – Давайте пожелаем этим отважным людям успеха и будем помнить, какова истинная ценность этой акции. Обо всех чрезвычайных происшествиях, если таковые будут, сообщать мне немедленно. Мне... или Шпееру. Да, пожалуй, Шпеер как раз тот человек, который должен об этом знать. Зиверс, у вас что-нибудь еще?

У Зиверса явно была пара вопросов, но Шпеер незаметно для фюрера показал ему глазами на дверь. Лучше оставить Гитлера таким вот благодушным, он и без того слишком много работал сегодня – чего стоило одно совещание. Офицеры поднялись и покинули кабинет.

– Вот, Шпеер, еще одно направление войны. И я не знаю, что сейчас важнее – Восточный фронт или эта маленькая экспедиция в Африку...

Сказав это, Гитлер встал из-за стола и прошелся взад-вперед, заложив руки за спину.

– Я правильно отругал Зиверса, не так ли? – спросил он и, не ожидая ответа, продолжал: – Они слишком много внимания уделяют бутафории, ненужной бутафории, в то время как рейху надобны маленькие, но нужные и конкретные дела. Вы, конечно, не в курсе событий, и весь разговор для вас был странным спектаклем, но я хочу спросить вас как вы думаете, Шпеер, они верят в то, что делают?

– Трудно сказать. Зиверс, по крайней мере, чересчур циник, чтобы верить во что-то. А вот бригаденфюрер, кажется, верит.

– А я? Я – верю?

– Вы, мой фюрер? – вопрос поставил Шпеера в тупик.

– То-то и оно, Шпеер. То-то и оно. Но пусть все идет так, как идет, мой дорогой Шпеер.

16

Каждый выжидает, выжидайте и вы, а потом вы узнаете, кто обладатель ровного пути и кто шел по прямой дороге!

Коран. Та Ха 135 (135)

Звезды дрожат. Звездам холодно там, в темноте. Звезды далеко, и поэтому тепло костра до них не достает. И даже жар пустыни, остывающей после раскаленного дня, не в силах справиться с холодом, который испытывают маленькие светящиеся точки во мраке.

Вокруг костра сидят четверо, и ночной ветер осторожно гладит языки огня, где-то в темноте вода ведет разговор с дном ручья. Четверо собрались в одном месте.

Оазис Фарх. Где-то на полпути между Суртом и Мисуратой. Песок вокруг. Повсюду, куда достигает глаз, до самого горизонта и дальше. На всем пути из Сурта – любой караванщик вам скажет – нет ни одного места, где можно остановиться. Нет ни одной зеленой точки. Только пески. До горизонта и дальше.

Так вам скажет караванщик. И будет прав. Прав для всех трехсот с небольшим дней в году. Кроме этого дня. Точнее ночи.

Однако окажись волей Аллаха где-нибудь в этих краях караван, и обрати его караванщик свой взор в сторону этого костра... То бежал бы он прочь, несмотря на ночь и на опасность заблудиться... Бежал со всеми людьми, со всеми верблюдами, со всем своим скарбом. Без оглядки, до тех пор, пока не пропал бы из глаз проклятый огонек в ночи.

И был бы прав. Потому что каждый в этой пустыне знает, что на одну ночь в году появляется где-то в песках оазис Фарх. Где возле костра сидят шайтаны, числом пять, и едят. Кого? Ну, путников едят... Вместе с верблюдами, попутчиками и скарбом.

Страшно оказаться ночью возле оазиса, которого нет.

Но интересно.

Потому что вода. Огонь. Песок. И ночной ветер. Говорят о чем-то...

– Сколько мы будем ждать? – спросил Имран. Не зло, а так, чтобы знать.

– Я не знаю, – ответил Саммад, хотя вопрос не относился к нему лично.

– И никто не знает, – в тон ему отозвался Мухаммад.

Если посмотреть на них искоса, не вглядываясь в лица, не ища недостатки, они чем-то похожи. Точно так же, как похожи, при внешнем различии, Имран и Ибрахим.

– Нас осталось четверо, – наполовину спросил, наполовину подвел итог Имран.

– Кто знает?.. – сказал Мухаммад.

– Никто не знает, – в тон ему отозвался Саммад.

Ибрахим досадливо поморщился и, поднявшись на ноги, ушел куда-то в темноту. К журчащему во мраке ручью.

– Я правильно понимаю, что никто не нашел его? – спросил Саммад.

– Если его не нашел ты, значит, не нашел никто, – ответил из темноты Ибрахим. – Подождем еще... День.

Саммад пожал плечами и подкинул в огонь еще веток.

Вдалеке таял топот ног.

Маленький торговый отряд, состоящий из трех верблюдов, нагруженных до предела, и погонщиков к ним, бежал прочь. Быстро бежал.

17

Не придавай мне в сотоварищи никого, кроме тех людей

Апокриф. Книга Пяти Зеркал. 25 (25)

Солдаты вели себя правильно, как и положено истинным солдатам: спали в тени облупившейся стены, рядом с грузовиками. При виде офицеров они оживились, но не слишком: растолкали какого-то соню, стати подниматься. Шестнадцать человек вместе с унтером – Фрисснер незаметно ухмыльнулся разумной скаредности полковника. Правильно, посылай тут со всяким встречным-поперечным кучу народу, когда самим нужно...

– Бандиты, не так ли? – с улыбкой покосился на Фрисснера полковник. Фрисснер пожал плечами. – Не беспокойтесь, это – лучшие. Рекомендую: унтер-офицер Обст, кавалер двух Железных крестов, с первого дня в Корпусе...

Обст оказался коренастым мужичком лет, сорока с внешностью крестьянина. Крупная голова, мясистый нос, бесцветные глаза с такими же бесцветными ресницами. Унтер Фрисснеру понравился, такие сельские мужички обычно надежны в бою. Да и остальные солдаты с виду были ничего самому молодому лет двадцать, самый старший – Обст.

– Ваш новый командир, – сказал полковник, широким жестом правой руки указывая на Фрисснера. – Капитан Артур Фрисснер. Надеюсь, вы не посрамите Корпус под его командованием.

– Буду краток. – Фрисснер сделал шаг вперед. Солдаты, все шестнадцать человек, внимательно смотрели на него, прекрасно понимая, что их жизнь в ближайшие недели или даже месяцы будет зависеть прежде всего от этого незнакомого капитана. – Отправляемся завтра утром, пока можете отдыхать Унтер-офицер, к вам небольшое поручение. Напишите о каждом солдате пару строк, как зовут, что умеет, откуда родом... Кратко, самое главное.

– Хорошо, господин капитан. Солдаты, переговариваясь, стали устраиваться на насиженном месте. Обст поспешил к канцелярии.

– Среди них есть водители? – спросил Фрисснер полковника.

– Конечно. Водители, пулеметчики, радист...

– Рация нам не нужна.

– Вы уверены?

– Уверен.

– Ваша воля, капитан. Я хотел бы... – полковник помолчал, потом заговорил снова

– Я хотел бы, чтобы эти люди вернулись назад. Понимаю, на войне это глупый разговор, но...

– Я постараюсь, господин полковник.

Они осмотрели машины, причем Фрисснер с удовлетворением заметил установленные на грузовичках станковые пулеметы МГ, которых вчера не было.

– Все собрано. Могли бы выехать и сегодня, – заметил полковник.

– Завтра, завтра... – рассеянно сказал Фрисснер.

– И еще, возьмите «стэны», десяток «стэнов». Британские тарахтелки гораздо лучше работают в условиях пустыни, нежели наши МП. Может быть, это непатриотично, но я не хотел бы, чтобы автоматы отказали в самый неподходящий момент...

– Спасибо, полковник.

– Такое впечатление, что вам очень не хочется ехать, – признался Боленберг. – У вас просто на лице написано, капитан. Поэтому я и сказал о людях Обета...

– Я думаю, все будет нормально, господин полковник. Не опаснее, чем на передовой, во всяком случае.

– Не скажите. К передовой эти люди привыкли. А к пустыне привыкнуть трудно, практически невозможно.

Дальше спорить не имело смысла, и Фрисснер промолчал.

Отчет, составленный педантичным Обетом, оказался весьма любопытен.

Из шестнадцати человек (включая самого унтера, само собой) двое были разжалованы из лейтенантов вермахта. А именно – Готлиб Ойнер и Фриц Людвиг. За какие провинности, Обст не писал, но указал против каждого – «надежен». Что ж, пусть так и будет.

Помимо всяких банальностей – когда родился, откуда родом, сколько воевал, – Фрисснер узнал, что Гнаук, например, отличный радист и радиотехник, а Вайсмюллер – водитель-механик, способный починить любую колесную и гусеничную технику. В целом же список был краток, но бесполезен, как Библия.

– Слушай, он ничего особенного и не написал, – процедил Каунитц, читая через плечо. Фрисснер хмыкнул:

– Зато я понимаю, что он уверен в своем отряде. И это хорошо.

– Думаешь?

– Думаю. Да и полковник прекрасно понимал, что нам в пустыне понадобятся хорошие люди. Пусть он не знает целей задания, но он педант, профессионал. Он не станет подсовывать нам отбросы.

– На его месте я поступил бы именно так, – буркнул Каунитц.

– Вот потому-то ты до сих пор не полковник, – улыбнулся Фрисснер и сложил листок со списком, показывая, что разговор окончен.

18

Поистине, Аллах не любит всякого изменника, неверного!

Коран. Хадж. 39(38)

Утро застало Ягера в весьма дурном расположении духа. И хотя налет продолжался едва ли полчаса, Людвигу казалось, что англичане «делали» Триполи всю ночь. Ни в какое бомбоубежище он, конечно, не спускался. Не из какой-то там бравады... Просто от осколков его надежно защищали стены дома, где он квартировал, а прямое попадание можно схлопотать и в яме, которую тут называли бомбоубежищем. Ягер не знал таких ям, которые бы спасали от прямого попадания многотонной бандуры, начиненной взрывчаткой.

Но все-таки ночная бомбардировка есть бомбардировка, и наутро у Людвига болела голова.

Хотя вполне может быть, что голова болела из-за вчерашнего посещения гашишианцев. Сладкий дым, которым была полна курильня, въелся в одежду и противно лез в нос.

Ягер поплелся в ванную.

Из крана едва текла вода температуры тела. Чтобы прибавить напор, пришлось выкрутить вентили на всю катушку.

Так еще можно было поплескаться под омерзительным дождиком. Пресной водой Триполи снабжался за счет мощных артезианских колодцев. К сожалению, несовершенство местной канализационной системы делало воду, текущую из крана, солоноватой и чуть теплой. Пить такую воду было довольно рискованно. Равно как и готовить. Мыться было противно. В определенные моменты по цвету и температуре вещество, вытекающее из водопровода, напоминало мочу.

Однако несмотря на эти неудобства, Ягер плескался под жидкими струями, так как понимал, что скоро, возможно, уже с сегодняшнего дня, вода будет только для питья.

Побрившись и подровняв усы, Людвиг надел новую походную форму, оставив старую одежду в корзине за дверью. Хозяйка дома раз в неделю устраивала большую стирку для всех постояльцев. Пожилая арабка стирала аккуратно, ничего из вещей не пропадало, и ей как будто можно было доверять.

До отъезда предстояло решить две проблемы. Закончить все свои дела на мнимой государственной службе, то есть сложить с себя полномочия координатора по делам военнопленных, и запастись необходимым инвентарем. Людвиг отпустил секретаря еще вчера, напоследок запугав того до полусмерти.

Затягивая шнурки на высоких ботинках, Ягер подумал, что было бы неплохо еще завалиться к генерал-губернатору, жирному макароннику. Предварительно надеть форму «СС» и, поставив того по стойке «смирно», надавать по физиономии. Ягер с такой ясностью представил себе толстую морду губернатора, что по спине пробежала жаркая волна. Он даже от удовольствия прикрыл глаза...

Бац...

Лопнул шнурок.

Людвиг медленно выдохнул воздух. Сдерживая внезапное желание зашвырнуть ботинок куда подальше.

В приемной губернатора было шумно. Как-то необычно шумно. Ягер достаточно насмотрелся на итальяшек и понимал, что ожидать от них спокойной сосредоточенной работы не приходится. Еще удивительно, как их армия, с

таким-то руководством, ухитрилась удержать Ливию под своей властью. Хотя, конечно, любому человеку, достаточно долго прожившему в Триполи, становилось ясно, что любая чужая власть тут – явление временное, возможное только до тех пор, пока разбросанные по пустыне племена находятся в состоянии вражды между собой. Только поддерживая эту рознь, можно удерживать власть. По части интриг итальянцы были мастерами.

– Господин Ягер, губернатор вас примет, – это подал голос из-за огромного стола секретарь. Как он узнал, что генерал-губернатор готов принять посетителя, неизвестно. Перед ним одновременно торчали два военных чина, которые наперебой что-то орали, тараторили и надрывались. Насколько Ягер мог судить по обрывкам фраз, речь шла о каких-то пайках, которые или прибыли не туда, или вообще не прибыли. Ко всему прочему, секретарь отвечал на несколько телефонных звонков одновременно, просматривал какие-то бумаги, безошибочно отыскивая нужную среди общего бардака. Военные жестикулировали, секретарь отмахивался черной телефонной трубкой и указывал Ягеру глазами на массивную, под стать его столу, дверь, которая вела в кабинет губернатора.

«Вояки молодцы, добраться до самого генерал-губернатора, хотя бы до его приемной, это труд не для слабонервных», – подумал Людвиг, обходя двух решивших умереть, но добиться своего от бюрократической машины, лейтенантов.

Он открыл дверь, придержав ее основательный разбег, и вошел внутрь.

Сказать, что кабинет был большой, означало не сказать ничего. Ягер не любил громких эпитетов, они казались ему на редкость фальшивыми, но в данном случае хотелось употреблять только превосходную форму в словообразовании.

Злые языки поговаривали, что кабинет генерал-губернатора разместился в бывшем гареме. Доказательств тому не было совершенно никаких, но размеры помещения вызывали вполне определенные ассоциации.

В кабинете, если его можно было так назвать, стоял огромный стол, покрытый зеленой тканью, свисающей до пола. Ряд стульев с кожаными спинками окружал этот постамент, вполне годный для памятника власти. Сдвинутая к краю, терялась огромная, подробнейшая карта Триполи. Над ней склонился сам

губернатор, толстый и смахивающий на Муссолини. Рядом с ним валялся на полу стул.

Высоко под потолком, где находились узкие окна, на внутреннем балкончике стоял на подставке старый пулемет Бреда М1930. Его ствол настороженно выглядывал на улицу.

Ягер подумал, что раньше на этом месте был бассейн. По крайней мере, размеры стола соответствовали водоемам, которые Людвиг видел в некоторых богатых домах Триполи.

Подойдя ближе, Ягер увидел, что на карте лежит десантный кинжал, называвшийся «гладиаторским».

– Ну, что вы скажете, господин координатор? – задумчиво спросил губернатор, пренебрегая воинскими приветствиями.

– Скажу, что я слагаю с себя обязанности координатора. Завтра на мое место придет новый человек. Надеюсь, что сотрудничество с ним будет таким же плодотворным. – Людвиг положил рядом с картой заготовленные заранее документы.

– Будет, конечно будет. – Губернатор покивал головой, искоса взглянув на бумаги.

Ягер посмотрел на карту, отметил про себя место, которое было надколото кинжалом. Если его не подводила зрительная память, то оно как раз соответствовало гашишианскому подвалу.

– Вы возвращаетесь назад в Германию? – спросил губернатор, и Людвиг насторожился. Генерал-губернатор Триполи никогда таким не был.

– Нет, я поступаю в ведение другой организации... – уклончиво ответил Ягер.

– Как это хорошо... – Итальянец поднял голову к сводчатому потолку. – Разнообразие... Так надоел этот город...

Затем он резко кивнул, посмотрел на Ягера впервые за всю беседу и сказал:

– Ну что же, желаю вам успехов. Надеюсь, что еще увижу вас. Прощайте.

Ягер вышел в приемную. Там как будто ничего не изменилось. По-прежнему орали военные, их перекрикивал секретарь, трезвонили телефоны. Только Ягеру показалось, как будто что-то изменилось. Словно тот прокол на карте к чему-то его обязывал.

Ровно в десять утра он был возле дома, где квартировали Фрисснер и его команда.

19

Поистине, Аллах может помочь им...

Коран. Хадж 40 (39)

Коридоры власти. Он слышал это где-то. Где и когда, вспомнить было трудно. Может быть, совсем не в этой жизни. Тем не менее это словосочетание, «коридоры власти», почему-то всегда всплывало в памяти, когда он шел вдоль казавшихся бесконечными дверей, мимо вросших в пол эсэсовцев. Тут все сочилось властью, силой.

Вольфрам Зиверс шел на встречу со своим непосредственным начальством. Гиммлер вызвал его к себе сразу же после аудиенции у фюрера. Зиверс слишком много знал и слишком во многое был посвящен, чтобы верить в простые совпадения. За любой, даже на первый взгляд малозначительной, случайностью всегда обнаруживалась чья-то воля. Нужно только поглубже копнуть.

Входя в приемную, Зиверс махнул двум громилам в черной форме, стоящим у дверей, и вопросительно посмотрел на секретаря. Тот кивнул и исчез за обитой черной кожей дверью.

Под профессионально ненавязчивыми взглядами двух охранников Зиверс пересек приемную и сел на массивный кожаный диван, который с шуршанием принял его в свои объятия. Однако расслабления не получилось. В затылок уперся чей-то пристальный взгляд. Жгучий, ощущаемый физически.

Зиверс осторожно обернулся. Вполоборота.

Из рамы с орнаментом из дубовых листьев на него смотрел Гитлер.

Портрет фюрера был выполнен действительно хорошо. Не ширпотреб, не работа кустика, чувствовалась действительно сильная рука мастера. Такие портреты, чем бы ни кончилось то, что происходит вокруг Германии, всегда будут в цене. В большой.

От полотна исходила сила. Текла, струилась по помещению, заполняя каждую щелочку, каждый уголок незримой властью.

Хотелось... пасть на колени. Такое чувство посещало его во время некоторых митингов, когда фюрер был в ударе.

В дверях бесшумно появился секретарь.

Зиверс встретился с ним взглядом. Секретарь молча кивнул, отошел в сторону, оставив дверь приоткрытой.

Войдя, Вольфрам выбросил руку вперед и вверх, приветствуя главу СС.

Невысокий человек с вытянутым лицом и внимательным взглядом школьного учителя ответил ему тем же, только более лениво. Просто вскинул руку, как делает это фюрер, и почти сразу же указал этой же рукой на высокое кресло около стола. Садись, мол, к чему церемонии.

Зиверс сел. Стоять, при его здоровенном росте, в присутствии низкорослого Гиммлера было не совсем удобно. Вольфрам помнил, как при первой встрече не знал, куда себя деть, стесняясь своего роста, немного горбился. А Гиммлер тогда сказал: «Посмотрите, эта оглобля скоро совсем согнется! Дайте ему линейку, пусть засунет под ремень, это отучит его сутулиться». Все засмеялись.

И Зиверс тоже. Потому что не смеяться было нельзя. Только смутное предчувствие окатило позвоночник холодным душем, как всегда бывало в ответственные моменты, важные для его, Зиверса, жизни.

После того случая Гиммлер приблизил к себе Зиверса.

– Скажите, Вольфрам, вы в вещие сны верите? – мягко спросил Гиммлер.

– В вещие сны?

– Да-да. Знаете, сны, которые выглядят такими реальными, что вам кажется, что вот сейчас вы ощутите даже запах пота людей, которые вас окружают.

Зиверс ждал. Он уже знал, что у Гиммлера бывают моменты, когда он разговаривает вроде бы сам с собой, но в расчете на собеседника, умеющего слушать. И терпеть не может, когда его перебивают.

– Когда нет возможности почувствовать, что это лишь сон. Когда кажется, что вы застряли в этом. Навсегда. Или когда вы знаете, что это когда-то уже было. А возможно, даже будет. Вот что я называю вещими снами.

– Я думаю, что каждому снится такое, – уклончиво ответил Вольфрам, чувствуя, как по спине побежали знакомые колкие иголки холода.

– Не надо, Зиверс, – тихо сказал Гиммлер. – Не надо. Вы не хуже меня знаете, что это был сон. Действительный, настоящий, вещий сон. Такой, какой бывает один раз в жизни. Не нужно мне говорить, что такое бывает с каждым! Не бывает! Не бывает такого с каждым! И вы это тоже отлично знаете. Мне не нужен врач...

Он сидел за столом, а над его головой безмолвно и вызывающе смотрел в будущее Гитлер. Этот портрет был не чета тому, что висел в приемной. Это была обыкновенная, хорошо, можно сказать отлично, выполненная работа. Но не более. Фюрер на этом портрете был не живой. Картинный.

«Странно, – подумал Зиверс. – Почему он не держит тот портрет здесь? Сколько раз смотрю, столько раз задаюсь этим вопросом...»

– Так что же вы видели? – спросил он у Гиммлера.

Тот посмотрел на Зиверса оценивающе, словно взвешивая, стоит ли доверять этому человеку такую тайну, тайну своих снов.

– Я видел камеры, Вольфрам. Зиверс нахмурил лоб.

– Камеры, – снова повторил Гиммлер. – Кинокамеры. Многочисленные объективы. Они смотрели на меня, как глаза какого-то огромного животного. И я закрывался от них, от этих камер... Закрывался, чтобы не видеть этих жадных, голодных лиц. Такие лица бывают только у упырей. Мне было противно, и я закрывал лицо. А они считали, что я их боюсь... И радовались. А еще я видел там вас, Вольфрам. Вы молились... Станные слова, я не знаю такого языка. Может быть, такого языка нет на земле.

Гиммлер замолчал, глядя перед собой.

Зиверс решил напомнить ему о своем существовании:

– А дальше?..

– Дальше? – переспросил Гиммлер, не выходя из ступора, а потом, опустив глаза и посмотрев на стол, сказал, четко произнося каждое слово: – Дальше я не помню. И вы... Забудьте.

Словно подтверждая свой приказ, он выдержал коротенькую паузу и спросил своим обычным тоном:

– О чем с вами беседовал фюрер?

– Мы получили небольшую выволочку, – сразу, зная, что такой вопрос последует, ответил Зиверс. – Как я понял, на исходе основной волны недовольства фюрера транспортным министерством. После провала работ в Институте Маятника наше положение несколько пошатнулось. Я сделал небольшой доклад об операции «Тангейзер», и, как мне показалось, фюрер остался доволен. Когда мы с бригаденфюрером выходили из кабинета, он был в довольно приподнятом настроении.

– Хорошо. Что вы рассказали фюреру?

– Рассказывал в основном фон Лоос. То, что было в его компетенции. Все идет по плану.

– Донесения от нашего человека?..

– Пока только предварительные заключения. Он изначально готовился для высокой степени вовлеченности и самостоятельности. Донесения будут поступать по мере возможного.

– Хорошо... – Гиммлер устало закрыл глаза, провел рукой по лбу. Указательный и большой пальцы сжали переносицу, сдвигая очки.

«У него тонкие и длинные пальцы, – подумал Зиверс. – Созданные, чтобы играть. Только вместо музыкальных он выбрал политические инструменты».

– Хорошо, – снова сказал Гиммлер. – Мне нужен этот предмет. Иначе я просто не смогу нормально спать. Идите, Вольфрам.

20

Аллах избирает посланников из ангелов и из людей.

Коран. Верующие. 74 (75)

Крупная жирная ящерица, перебегавшая дорогу, поплатилась за свою неосторожность и была раздавлена стертой покрышкой «фиата». Впрочем, никто из сидевших в кабине и кузове этого даже не заметил – так ничтожна была жительница песков в сравнении с грохочущей самодвижущейся повозкой из далекого Турина.

– Жарко, – сказал Богер, обмахиваясь ладонью.

– Это еще не жара... Жара будет позже.

– Издеваешься?

– Говорю серьезно. Жара будет позже, когда мы достаточно далеко отъедем от средиземноморского побережья. Так что пока можешь насладиться прохладой.

– Издеваешься, – уверенно повторил Богер и сплюнул в открытое окно. В рот уже начала набиваться песчаная пыль, этот вечный спутник африканских поездок.

Свой небольшой караван Фрисснер обустроил так: впереди – легковой «фиат-508» с ним, Замке и Ягером, за рулем – Макс. Далее – три «фиата-СПА», соответственно за рулем Каунитц, Вайсмюллер и еще один водитель со стажем, Опманн. В кабине каждого грузовика сидело по солдату, остальные помещались в затентованных кузовах, на кабинах были укреплены станковые пулеметы МГ. Основной упор Фрисснер сделал на воду, и в этом его полностью поддержал Замке, посему плоские канистры полностью устилали днища кузовов.

Ягер, сидевший позади вместе с археологом, был мрачен. Он появился за пару минут до выезда и на вопрос Фрисснера насчет проводника буркнул:

– Всему свое время.

– За экспедицию отвечаю я, – возразил Фрисснер, – поэтому я хотел бы иметь всю информацию. Понятно вам? Всю!

– Остыньте. – Ягер поморщился. – Будет вам проводник. Тут не так много дорог, так что вряд ли нам грозит разминуться...

Они миновали итальянский пост – два маленьких худосочных танка на высоких гусеницах, возле которых вертелись чернявые карабинеры. Один помахал грузовикам рукой – то ли от избытка положительных чувств, то ли с издевкой. Тут же навстречу попала повозка, влекомая плешивым ослом, на повозке сидел бородатый старик и, кажется, дремал.

– Британские разведчики залетают очень далеко, – пробормотал в пространство Ягер.

– Пугаете, господин майор? – спросил Макс.

– Оставьте этого майора, оберштурмфюрер! – сухо сказал Ягер. Археолог поправил очки и удивленно посмотрел на него.

– Да, и не надо моргать глазами, дражайший ученый, – продолжал Ягер желчно. – Я – штурмбаннфюрер СС, равно как и дражайший господин капитан Фрисснер, а этот вот господин за рулем – оберштурмфюрер СС, о чем вы, конечно же, ничего не знали. Неужели вы думали, наивное вы существо, что такую операцию доверят ребятам из вермахта?

– Я не существо, – возразил Замке.

– Полно, все мы существа. Одни разумнее, другие нет, одни наивнее, другие нет... Ваш приятель Фрисснер не открыл вам глаза, не так ли? Так вот, это делаю я. По-моему, это честно.

– Вы не пьяны, господин майор? – деликатно осведомился Фрисснер, внутренне кипя.

– Нет, штурмбаннфюрер. Я не пью с утра.

– Напрасно. Лучше бы вы были пьяны. По возвращении я буду вынужден доложить о вашем поведении бригаденфюреру.

– Вы сначала вернитесь, штурмбаннфюрер, – ехидно сказал Ягер. – А потом уж докладывайте. И если вы думаете, что нажили себе в моем лице врага, в ссорах с которым приятно будет коротать время, вы очень сильно ошиблись. Мне наплевать на ваши шпильки.

Километров десять они ехали молча, только шуршал одеждой Замке, старавшийся отодвинуться от Ягера. Тот косился на него, но ничего не говорил. «А вот и проблемы, – думал тем временем Фрисснер, сплевывая пыль. – Пора бы надеть маску... Черт с ней, с маской, но что мне делать с этим надменным идиотом? Вернее, не идиотом, потому что он умен, очень умен, и это еще хуже, чем если бы он был идиотом, потому что с идиотом по крайней мере знаешь, как себя вести... И где, в конце концов, этот проводник? Почему его нет? Почему

опять все зависит от Ягера? Я не люблю, когда все зависит не от меня, особенно если это связано со мной и с моими людьми...»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Роммель, Эрвин, – генерал-фельдмаршал, с 1941 – командующий Африканским корпусом. В 1944 г. покончил с собой, как участник антигитлеровского заговора.

2

Треугольник (нем.). Имеется в виду нашитый на робу заключенного.

3

Шарфюрер – звание в СС, приравненное к армейскому званию унтерфельдфебеля.

4

Иблис – название дьявола в исламе.

5

Кокошка, Оскар – австрийский художник-экспрессионист, с 1937 года все его работы изъяты из картинных галерей Германии, а творчество объявлено декадентским.

6

Бригаденфюрер – звание в СС, приравненное к армейскому званию генерал-майора.

7

тайная полиция (нем.) – гестапо.

8

Из указа, подписанного в 1936 году Герингом как премьер-министром Пруссии.

9

Отдел 4А занимался борьбой с противниками нацизма.

10

Занимался делами оккупированных территорий.

11

Штурмбаннфюрер – звание в СС, соответствующее армейскому званию майора.

12

Йодль, Альфред – генерал, с 1939 г. начальник оперативного отдела.

13

Лис – от «Лис пустыни» прозвища, полученного Роммелем после успешного начала Африканской кампании.

14

Ролик – слэнговое название танка, популярное у немецких танкистов. По легенде, введено самим Роммелем.

15

Очинлек, Клод – генерал, командующий британскими войсками на Ближнем Востоке с ноября 1941 г.

16

Грациано, Родольфо – генерал, командующий итальянскими войсками в Киренаике, капитулировавшими в феврале 1941 г.

17

Оберштурмфюрер – звание в СС, соответствующее званию армейского обер-лейтенанта.

18

«Анненербе» – германское научное общество, подчинявшееся непосредственно Гиммлеру и, в частности, ведавшее всеми археологическими раскопками.

19

Штудент, Курт – генерал, командующий парашютно-десантными войсками Германии с 1939 г.

Шпеер, Альберт – рейхсминистр вооружения и военной промышленности.

Купить: https://tellnovel.com/ru/burcev_viktor/zerkalo-iblista

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)